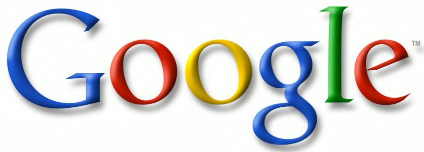

Google

В. Владиміровъ.

Карательная экспедиція

отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка

ВЪ ДЕКАБРЬСКІЕ ДНИ

НА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛ. ДОР.

МОСКВА.
Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.
1906.

По опредѣленію московской судебной палаты прекращено производствомъ дѣло по обвиненію автора книги «Карательная экспедиція» Владимірова въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 281[1]. ул. о нак. и п. 5 ст. 129 угол. улож.; наложенный московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати на означенную книгу арестъ отмѣненъ. («Прав. Вѣстн.»).

В. Владиміровъ.

Карательная экспедиція.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ АВТОРА.

Редакціей «Русь» были получены пожертвованія отъ разныхъ лицъ и группъ на изданіе отдѣльной книгой тѣхъ статей, которыя были напечатаны въ «Руси» по поводу дѣйствій карательной экспедиціи Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка.

Въ одномъ изъ подписныхъ листовъ, при обращеніи въ редакцію, говорится такъ:

— «Считая, что однимъ изъ средствъ протеста и борьбы со звѣрствами торжествующей реакціи можетъ служить широкая популяризація свѣдѣній о таковыхъ, просимъ г-на Владимірова издать его статьи о подвигахъ Семеновскаго полка въ видѣ отдѣльной книги и прилагаемъ для этой цѣли свою лепту. Избытокъ пожертвованій пусть будетъ употребленъ для аналогичныхъ цѣлей».

Слѣдуютъ подписи.

Доводя до свѣдѣнія лицъ, приславшихъ деньги, что настоящая книга издана на средства автора, приношу свою глубокую благодарность за вниманіе и сочувствіе къ этой работѣ, и собранныя деньги направляю на другую полезную цѣль, агитаціоннаго характера.

Пусть жертвователи на страницахъ «Двадцатаго Вѣка» выскажутся, на что бы они хотѣли затратить эти деньги, и я поступлю согласно ихъ волѣ; если же не получу отвѣта, то израсходую ихъ на изданіе съ агитаціонной цѣлью.

В. Владиміровъ.

Разслѣдованія на мѣстѣ преступныхъ дѣйствій карательнаго отряда лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, призваннаго въ московскіе декабрьскіе дни подавить на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ забастовочное движеніе, производились мною по порученію редакціи газеты «Русь». Матеріалъ, добытый при опросѣ на мѣстѣ цѣлаго ряда свидѣтелей, семей пострадавшихъ и убитыхъ, лицъ спасшихся отъ смерти, былъ напечатанъ за январь, февраль и мартъ на страницахъ газетъ «Русь» и «Молва».

Въ настоящемъ изданіи, весь матеріалъ былъ пересмотрѣнъ и значительно дополненъ позднѣйшими свѣдѣніями, полученными послѣ печатанія газетныхъ статей, и кромѣ того тѣми деталями, которыя въ краткомъ изложеніи газетныхъ сообщеній обыкновенно упускаются.

Предлагая эту книгу вниманію читателей, позволяемъ себѣ надѣяться встрѣтить въ читателѣ благосклонное отношеніе къ своему труду, принимая къ

свѣдѣнію, что разслѣдованіе этого громаднаго преступленія, гдѣ убито 151 человѣкъ, собираніе точныхъ данныхъ, опросы свидѣтелей весьма затруднялись полицейскими, шпіонскими мѣрами, страхомъ царившимъ среди населенія послѣ пролитой на глазахъ народа крови, чрезвычайной разбросанностью пунктовъ, гдѣ развивались дѣйствія отряда, и большого количества убитыхъ лицъ; все это затрудняло и тормазило работу, и потому послужитъ обстоятельствомъ, въ силу котораго читатель снисходительно проститъ какіе-либо пробѣлы или упущенія.

ГЛАВА I.

16 декабря 1905 года выѣхалъ изъ Москвы отрядъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и ознаменовалъ свой путь по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, на протяженіи ста слишкомъ верстъ, кровавыми дѣяніями, которыя будутъ отнесены къ яркимъ моментамъ революціоннаго движенія въ Россіи и нанесены на страницы исторіи.

Весь этотъ путь отъ станціи Москва и до станціи Голутвино обильно политъ человѣческой кровью.

Карательная экспедиція Семеновскаго полка задалась цѣлью отомстить народу за всѣ его стремленія къ свободѣ, къ свѣту, къ улучшенію своего экономическаго быта, отомстить за нераспорядительность, безсиліе и преступность правительства и достойно наказать народъ за всѣ его попытки... для устрашенія населенія въ настоящемъ и для примѣра ему въ будущемъ. Она рѣшила оставить въ памяти мѣстнаго населенія неизгладимый слѣдъ кровавой вакханаліи,

съ безумными жестокостями, упиваясь ими въ своей дикой злобѣ.

Карательной экспедиціи нужно было отомстить народу, безразлично въ лицѣ кого? Отомстить—сильно, жестоко; несущественно только—отомстить въ лицѣ ли истинныхъ виновниковъ революціоннаго движенія, или въ лицѣ случайно встрѣтившихся, невинныхъ людей. Тѣ и другіе одинаково дороги народу, одинаково имъ любимы, а потому месть въ томъ или другомъ видѣ свое дѣло сдѣлаетъ. Важна для экспедиціи была быстрота дѣйствій, которая порождала ужасъ, рѣшительность и неуклонность военноначальниковъ, не останавливавшихся хотя бы на одну минуту раздумья передъ совершеніемъ величайшихъ преступленій.

И эта роль блестяще выполнена составомъ экспедиціи изъ 18 офицеровъ подъ командой полковника Римана и отряда солдатъ. Было убито ими болѣе 150 человѣкъ безъ суда и слѣдствія, безъ права сказать свое послѣднее слово, безъ возможности знать за минуту смерти, что будутъ убиты, безъ молитвы, безъ покаянія, безъ послѣдняго «прости» своимъ дѣтямъ, женамъ, роднымъ. Все это было исполнено!... И все это вселило ужасъ, который кровавымъ призракомъ гнался вслѣдъ за уходящимъ поѣздомъ, гдѣ жестокіе мстители праздновали свою кровавую побѣду подъ стоны умирающихъ, избитыхъ, израненныхъ людей, заглушаемые грохотомъ и лязганіемъ

несущагося поѣзда и звономъ бокаловъ «веселаго пира».

Передъ отъѣздомъ карательной экспедиціи изъ Москвы 15-го декабря былъ полученъ начальникомъ экспедиціи полковникомъ Риманомъ приказъ отъ командующаго полкомъ флигель-адъютанта Мина, въ которомъ были преподаны тѣ руководящія начала, которыя легли въ основу карательныхъ дѣйствій экспедиціи, и отъ которыхъ военноначальники мало чѣмъ отступали въ дѣйствительности.

Этотъ приказъ въ копіи привожу дословно.

Копія.

«15-го декабря 1905 г. № 349.

Дополненіе къ приказу по лейбъ-гвардіи Семеновскому полку.

Г. Москва.

I.

16-го сего декабря назначается экспедиція по Казанской желѣзной дорогѣ на станціи: Перово, Люберцы и Коломна.

Начальникомъ отряда назначается полковникъ Риманъ I.

Составъ отряда

отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка:

9 рота: капитанъ Швецовъ, подпоручики Альбертовъ 2-й и Макаровъ.

10 рота: капитанъ фонъ-Сиверсъ 1-й, поручикъ Поливановъ и подпоручикъ фонъ-Фохтъ.

11 рота: штабсъ-капитанъ Назимовъ 2-й и подпоручики Шарнгорстъ и Романовскій.

12 рота: капитанъ Зыковъ и подпоручикъ Шрамченко.

14 рота: капитанъ фонъ-Тимротъ 1-й, подпоручики фонъ-Крузенштернъ и фонъ-Минихъ.

15 рота: капитанъ Майеръ, подпоручики Фалѣевъ и Никаноровъ.

2 орудія—2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады.

2 пулемета 5-й туркестанской пулеметной роты.

Цѣль и назначеніе отряда захватить станцію Перово, обыскать мастерскія и строенія по указанію станового пристава князя Вадбольскаго и жандармскаго подполковника Смирницкаго.

Отыскать главарей Ухтомскаго, Котляренко, Татаринскаго, Иванова и другихъ, по указанію князя Вадбольскаго и подполковника Смирницкаго. Уничтожить боевую дружину. Исполнивъ задачу, оставить на ст. Перово одну роту, поручивъ ей охрану станціи и окрестнаго района.

Оказывать содѣйствіе правительственнымъ желѣзнодорожнымъ агентамъ для возстановленія движенія. Затѣмъ слѣдовать въ Люберцы, гдѣ занять станцію, произвести обыски селенія завода, въ остальномъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Перовѣ.

Общія указаняія: ***арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно***. Каждый домъ, изъ котораго будетъ произведенъ выстрѣлъ, уничтожать огнемъ или артиллеріею.

По возможности щадить и охранять всякія желѣзнодорожныя сооруженія, необходимыя и полезныя для обслуживанія желѣзной дороги.

На станціи «Сортировочная» оставить одну роту, назначеніе которой—не допускать движенія поѣздовъ въ Москву, заграждая путь шпалами, выбрасывая сигналъ «остановка», и въ случаѣ неповиновенія открыть огонь.

Имѣть строгое наблюденіе за телеграфными аппаратами.

Далѣе отряду двинуться на ст. Коломна, гдѣ произвести обыскъ и осмотръ и остаться впредь до особаго распоряженія.

Перевязочные пункты устроить: одинъ пунктъ на ст. Перово (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ) и второй на ст. Люберцы (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ).

О дѣйствіяхъ отряда и о результатахъ его начальнику отряда полковнику Риману 1-му представить мнѣ подробное донесеніе.

Подлинное подписалъ: командующій полкомъ,

флигель-адъютантъ полковникъ Минъ.

Вѣрно: полковой адъютантъ,

подпоручикъ фонъ-Брюммеръ».

Приказъ розданъ въ 9 час. вечера.

Согласно этого приказа, руководствуясь общими указаніями: «*дѣйствовать безпощадно, арестованныхъ не имѣть*», полковникъ Риманъ въ точности исполнилъ его и дѣйствительно никого не арестовывалъ; онъ или убивалъ людей сейчасъ же, немедленно, или отпускалъ ихъ на свободу, причемъ даже старался не оставлять раненыхъ, въ случаѣ, если оказывались недобитые—пристрѣливалъ ихъ изъ револьвера. Хотя въ этомъ приказѣ и значится устроить два перевязочныхъ пункта — одинъ на станціи Перово и второй на станціи Люберцы, — но оба эти пункта предназначались для раненыхъ изъ состава экспедиціи, если таковые окажутся, но ни въ какомъ случаѣ не для раненыхъ изъ обывателей.

Когда оказывались раненые изъ населенія, оставшіеся въ живыхъ только по ошибкѣ и недосмотру разстрѣлявшихъ ихъ, какъ это было въ Перовѣ, то ихъ подбирали санитары, случайно находившіеся въ санитарныхъ поѣздахъ, пришедшихъ съ Дальняго Востока въ перовскія мастерскія. Они уносили ихъ къ себѣ въ вагоны, укладывали тамъ и лечили. Ни одинъ изъ раненыхъ не попалъ на перевязочные пункты, устроенные по распоряженію полковника Мина, да и было бы рискованно лечиться тамъ, гдѣ люди такъ жестоки и безчеловѣчны, которые руководствуются приказаніемъ: «арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно». Ни одна статья нашихъ военныхъ законоположеній не позволяла отдавать пол-

ковнику Мину такихъ «общихъ указаній». Никакое право, ни при какихъ обстоятельствахъ не могло выразиться въ такой формѣ полнаго безправія анархіи со стороны военноначальниковъ, дѣйствовавшихъ по приказу правительства.

ГЛАВА II.

16 декабря, около 11 час. утра, двинулась въ походъ карательная экспедиція. Все депо станціи Москва уже девять дней бездѣйствовало. Паровозы стояли замороженные, въ томъ безпорядкѣ, какъ застало ихъ седьмое декабря. Въ паровыхъ трубахъ замерзла вода, въ поршневыхъ цилиндрахъ тоже сконденсированный паръ превратился въ ледъ и паровозы не могли годиться въ дѣло, прежде чѣмъ ихъ не отогрѣть въ тепломъ помѣщеніи при постепенномъ и крайне осторожномъ увеличеніи наружнаго тепла; затѣмъ требовался значительный ремонтъ ихъ, такъ какъ, послѣ замерзанія трубъ, большинство ихъ потекли и не въ состояніи были держать пара.

Приготовленіемъ паровозовъ и всего необходимаго подвижного состава занялся, по порученію полковника Римана, поручикъ Костенко, завѣдывавшій желѣзно-дорожнымъ батальономъ. На приготовленіе паровоза ушло не менѣе 8 часовъ, и за это поручикъ

Костенко подвергся угрозамъ разстрѣлянія; отъ него полковникъ требовалъ, чтобы паровозы были готовы черезъ одинъ часъ, не принималъ никакихъ доводовъ и назвалъ поручика Костенко бунтовщикомъ, дѣйствующимъ заодно съ революціоннымъ комитетомъ. Напрасно Костенко оправдывался и приводилъ доводы, что замороженный паровозъ можно отогрѣть не менѣе какъ черезъ 5—6 часовъ безъ большой порчи для него, что для этого необходимо отогрѣвать его въ тепломъ помѣщеніи и т. д., полковникъ не принималъ никакихъ резоновъ и держалъ поручика Костенко подъ угрозой за промедленіе въ приготовленіи тяги и состава разстрѣлять его.

Наконецъ, два поѣзда были готовы. Первый состоялъ изъ одного паровоза, двухъ пассажирскихъ вагоновъ и одного вагона съ нефтью; въ немъ находился весь персоналъ желѣзнодорожнаго батальона, подъ командой Костенко. Цѣль этого поѣзда — итти впередъ безъ испрашиванія пути, пробираться своими силами, занимать станціи, всѣ сигнальные приборы и аппараты на нихъ, занимать телеграфъ, телефонъ, и такимъ образомъ подготовлять путь для пріѣзда потихоньку страшнаго Семеновскаго отряда, который слѣдовалъ вслѣдъ за первымъ составомъ въ разстояніи 15 минутъ пути. Второй составъ состоялъ изъ двадцати пяти вагоновъ и двухъ паровозовъ; въ этомъ поѣздѣ ѣхали пулеметы, пушки и весь отрядъ сол-

датъ. Поѣздомъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, управляли солдаты: механики, кочегары, помощники.

Обыкновенно первый составъ поѣзда тихо подкатывалъ къ станціи, мирно высаживался, спрашивалъ у дежурнаго, который находился при станціи, гдѣ находятся аппараты, приставляя къ нимъ своихъ солдатъ и ждалъ пріѣзда второго поѣзда.

*
* *

Прежде чѣмъ излагать трагическія событія съ момента появленія отряда Семеновскаго полка на станціи «Сортировочная» и «Перово» Московско-Казанской желѣзной дороги и въ ея окрестностяхъ, необходимо нарисовать картину того, что тамъ происходило въ теченіе 8 дней, предшествовавшихъ пріѣзду отряда. Какъ только была объявлена 7 декабря всеобщая политическая забастовка, движеніе поѣздовъ по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ прекратилось. На обѣихъ станціяхъ въ это время находилось большое количество товарныхъ груженыхъ вагоновъ, около 1000 штукъ.

Еще до забастовки въ Перовѣ сформировалась боевая дружина, вооружившаяся револьверами. Въ нее входили отчасти мѣстные жители, отчасти рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Передъ началомъ забастовки дружинники обезоружили мѣстную полицейскую власть и станціонныхъ жандармовъ, и потому рѣшили охранять вагоны отъ возможности грабежа товара собственными силами.

Поставили свою стражу, организовали очередную

смѣну дежурныхъ, установили отвѣтственность за правильное несеніе охранной службы; однимъ словомъ, приняли всѣ необходимыя мѣры, чтобы по адресу рабочаго пролетаріата не могъ быть брошенъ укоръ, что они способствуютъ въ дни организованной забастовки грабежу и хищенію чужой собственности.

Но здѣсь, противъ желанія и воли дружинниковъ, произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное... пришло окрестное населеніе, которое прослышало про груженые вагоны, и, устранивъ дружинниковъ, которые не рѣшились для защиты имущества пустить въ ходъ оружіе и убивать людей, начало грабить вагоны. Когда грабежъ разошелся во-всю, то, говорятъ, были даже случаи, что и семьи дружинниковъ, къ стыду ихъ, принимали участіе въ расхищеніи пищевыхъ продуктовъ изъ разгромленныхъ вагоновъ.

Грабежъ продолжался 8 дней, въ теченіе которыхъ московская администрація бездѣйствовала и не принимала никакихъ мѣръ къ его прекращенію.

Но вотъ 16 декабря, уже на девятый день, около часу дня пріѣхалъ на станцію «Перово» поѣздъ съ солдатами Семеновскаго полка. Къ этому времени расхищеніе товаровъ заканчивалось, и только пріѣзжіе крестьяне изъ очень дальнихъ деревень и селъ, менѣе требовательные во вкусѣ, подбирали остатки.

Еще наканунѣ этого дня съ вечера распространился слухъ въ Перовѣ, что изъ Москвы пріѣдутъ

солдаты для наказанія населенія за самовольство и расхищеніе товаровъ.

Всѣ ждали съ трепетомъ казаковъ; но ожиданіе наказанія даже подъ вліяніемъ все возрастающаго страха не могло нарисовать разстроенному воображенію того, что пришлось затѣмъ увидѣть и пережить каждому въ дѣйствительности.

Администрація рѣшила, очевидно, своими дѣйствіями устрашить населеніе, терроризовать его и разъ навсегда положить конецъ неподчиненію населенія своей власти. Но вмѣсто этого она достигла совершенно иныхъ результатовъ.

Никакая пропаганда, никакая агитація среди голодныхъ и обездоленныхъ людей не достигла тѣхъ поразительныхъ успѣховъ, которые приходилось наблюдать мнѣ въ раіонѣ дѣйствій отряда Семеновскаго полка. Я поражался, видя, напримѣръ, старуху 50 лѣтъ, всю свою жизнь глубоко вѣровавшую въ Бога и Царя, готовую отдать свою жизнь за горячо-любимаго монарха-мvропомазанника, сразу переродившуюся послѣ кроваваго дѣйствія въ ея квартирѣ полковника Римана. Она съ такимъ ѣдкимъ анализомъ разбирала все, что произошло вокругъ и что творится еще теперь.

Не отвлеченнымъ путемъ дошла она до этого, не изученіемъ книгъ и исторіи пришла она къ тѣмъ выводамъ, а просто послѣ жестокаго потрясенія всего внутренняго ея существа, съ болью и ужасомъ въ

душѣ глаза ея увидѣли и поняли, что называютъ дѣятели бюрократизма подавленіемъ «крамолы».

Ея сынъ, 19-ти-лѣтній парень, во время разговора старухи со мной, хитро посмѣивался и подтрунивалъ надъ ней:

«Хороша старуха стала! Бывало, съ ухватомъ бросалась, когда подъ пьяную руку сболтнешь зрящее слово, а теперь поди же ты!!?».

Но старуха не унималась и, не обращая на его слова вниманія, продолжала раскрывать свою больную изстрадавшуюся душу.

А велико должно быть ея внутреннее потрясеніе, если пришлось ей въ одинъ мигъ, въ одну страшную минуту видѣть разстрѣлъ ея невиннаго сына, на ея же глазахъ, въ ея комнатѣ, уставленной образами и украшенной царскимъ портретомъ со всей царской фамиліей.

—«Посторонись, старуха!»—крикнулъ ей Риманъ и лѣвой рукой отстранилъ ее, а правой выстрѣлилъ въ лобъ ея любимца, ни въ чемъ неповиннаго, не понимающаго, за что приставляется къ его лицу дуло револьвера. Онъ не шевельнулся, не сдѣлалъ даже попытки защититься; только черезъ мигъ грохнулся на полъ кровавый трупъ всей своей тяжестью, безъ звука, безъ вскрика.

Въ этотъ мигъ поняла старуха грозную дѣйствительность и въ ея душѣ открылась бездна...

При разслѣдованіи происшедшихъ событій на этихъ двухъ станціяхъ пришлось натолкнуться на большія трудности, во-первыхъ, убито очень много народа, около ста человѣкъ, поэтому приходилось опрашивать большое количество свидѣтелей; во-вторыхъ, разстрѣлы продолжались 3 дня (не такъ, какъ на прочихъ станціяхъ, гдѣ все кровавое дѣло заканчивалось иногда въ нѣсколько часовъ); въ-третьихъ, свидѣтели разбросаны по разнымъ деревнямъ, отстоящимъ на порядочномъ разстояніи другъ отъ друга, и кромѣ того особенно затрудняла военная охрана изъ солдатъ 4-ой дивизіи 16 Ладожскаго полка, вслѣдствіе чего населеніе подъ живымъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ужасовъ боится говорить, подозрительно встрѣчая каждаго незнакомаго человѣка.

Мною было опрошено и записано показаніе болѣе 25-ти человѣкъ, матеріалъ получился такой обширный и ужасный по тѣмъ кровавымъ происшествіямъ, по отсутствію причинъ, простотѣ, съ которой отнималась жизнь у людей, по тѣмъ жестокимъ мученіямъ, которыя причинялись людямъ безъ надобности, безъ цѣли, только для того, чтобы мучить, что мнѣ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ звѣрствахъ, чтобы во всѣхъ деталяхъ выяснить это ужасное кровопролитіе.

А оно было настолько ужасно, настолько велики были страданія и боли умиравшихъ отъ штыковыхъ ранъ людей, что невольные свидѣтели ужасовъ обра

щались ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:—«Скажите, баринъ, вѣдь не можетъ быть, чтобы это были наши солдаты? Вѣдь они не могли бы быть съ нами такъ жестоки, такъ безумно жестоки со своими родными по крови братьями. Не правда ли, говорятъ, что это иностранцы, финляндцы тамъ какіе-то, или католики, что ли? Да и притомъ они непохожи на нашихъ солдатиковъ!»

Дѣвочка 10-ти лѣтъ, Настя, при видѣ, какъ револьвернымъ выстрѣломъ офицеръ убилъ ея родного брата на ея глазахъ, бросилась въ испугѣ къ магери и закричала:

— «Какіе они злые, какіе злые глаза, мама, они насъ убьютъ сейчасъ»!... Потомъ выпрямилась блѣдная... на стройныхъ тонкихъ ножкахъ, приблизилась къ офицеру и крикнула въ лицо: «зачѣмъ убили моего Ваню, убейте и меня?!»

Сколько трагизма, сколько ужаса въ этомъ дѣтскомъ крикѣ! Сейчасъ она только что возвратилась изъ школы, и когда я съ ней заговорилъ о братѣ, она горько расплакалась. Такія минуты въ жизни ребенка никогда не изглаживаются изъ памяти.

* * *

Въ то время, когда пришелъ поѣздъ съ однимъ паровозомъ и двумя вагонами подъ управленіемъ поручика желѣзнодорожнаго баталіона Костенки, на станціи «Сортировочная» дежурнымъ находился служащій Ладновъ.

Минутъ черезъ пятнадцать появился безъ испраши-

ванія пути поѣздъ съ солдатами Семеновскаго полка, которые, не доѣзжая станціи, повыскакивали изъ вагоновъ и безъ всякаго предупрежденія открыли жестокій огонь направо и налѣво по запаснымъ путямъ, гдѣ находилось много народа.

Кто оказался поближе, тотъ поплатился своею жизнью; многіе залѣзли подъ вагоны и попрятались за колеса, садились на оси...

Въ это время офицеръ вышелъ на платформу, встрѣтилъ дежурнаго по станціи Ладнова и узналъ отъ него, что въ зданіи никого нѣтъ.

Осмотрѣвъ и убѣдившись въ этомъ, приказалъ произвести обыскъ въ нѣсколькихъ домахъ, находящихся по близости отъ платформы. Когда пошли въ квартиру таксировщика Воронича, то дверь его квартиры нашли запертой.

Стали стучать, потомъ прикладами сшибли дверь съ петель. Войдя въ квартиру, застали старика 60 лѣтъ, крайне встревоженнаго и не понимающаго, что за событія происходятъ кругомъ. Онъ былъ глуховатъ на оба уха и потому не слыхалъ стука въ дверь; когда же ее начали ломать, подумалъ, что это хулиганы пришли грабить его имущество. Онъ отыскалъ револьверъ и ждалъ, что за грабители такіе ломаютъ дверь и зачѣмъ они врываются въ чужую квартиру.

Жилъ онъ только вдвоемъ со старухой женой, которая раньше въ 1904 году была душевно-больной

и лечилась въ Казани нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ она поправилась и послѣдніе 2 года жила съ мужемъ на ст. «Сортировочная», гдѣ тотъ прослужилъ 10 лѣтъ.

Старуха тоже, ничего не понимая, что творится кругомъ, въ безпокойствѣ металась изъ угла въ уголъ и шептала молитвы.

Наконецъ дверь была сломана и на порогѣ появились солдаты и офицеръ; старикъ, увидѣвъ ихъ, былъ очень изумленъ, растерянъ, потомъ отъ радости перекрестился, что тревога его напрасна, положилъ револьверъ на столъ и направился навстрѣчу желаннымъ гостямъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ офицеръ скомандовалъ:—«въ штыки его!»

И тутъ же въ квартирѣ началась кровавая, жестокая расправа. Съ четырехъ сторонъ воткнули штыки въ тѣло несчастнаго старика, а офицеръ собственноручно, жестокимъ ударомъ, раскроилъ ему черепъ; только раздался сухой трескъ расколотаго черепа и безумный вопль сумасшедшей женщины, которая въ одинъ мигъ, въ этотъ ужасный мигъ, снова потеряла разсудокъ.

Но солдаты не остановились, они приставили штыки къ груди сумасшедшей женщины и приготовились вонзить ихъ въ тѣло, но въ отвѣтъ почувствовали безумные, страшные глаза, устремленные на нихъ, безумное спокойствіе несчастной, и остановились, проколовъ только одежду.

Теперь она помѣщена на излеченіе въ больницу св. Пантелеймона на ст. «Удѣльной», близъ Петербурга.

Пробывъ на ст. «Сортировочная» всего минутъ 40, главный отрядъ двинулся дальше, оставивъ здѣсь подъ командой офицера полуроту солдатъ, которые продолжали весь день стрѣлять по запаснымъ путямъ.

На слѣдующее утро около «Сортировочной» было подобрано служащими желѣзной дороги при участіи солдатъ 8 труповъ, которые солдаты отправили въ товарномъ вагонѣ на станцію Москва, не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы узнать личность убитыхъ.

Девятый трупъ Воронина.

Кромѣ того родственниками ночью было подобрано и увезено 25 труповъ.

Итого убито здѣсь 34 человѣка.

Солдаты простояли на этой станціи дней 10, держали себя со служащими станціи очень грубо и рѣзко.

Два характерныхъ разсказа пришлось услышать дежурившимъ тамъ, а именно: одинъ солдатъ со смѣхомъ разсказывалъ другому, какъ шли двѣ бабы по полю, влѣво отъ запасныхъ путей; онъ имъ крикнулъ:

— «Стрѣлять буду!»

Бабы, сломя голову, бросились бѣжать, спотыкались, скользили по неровной дорогѣ, смѣшно взмахивали руками. Солдатъ взялъ на прицѣлъ одну, выстрѣлилъ, — она такъ и «сковырнулась», а другая — убѣжала.

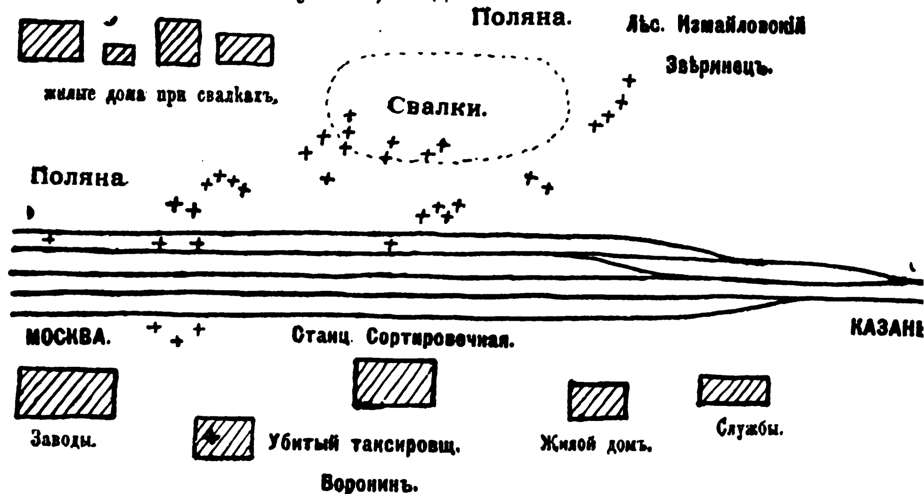
Говорилъ мнѣ это одинъ изъ слушателей этого

разсказа. Сообщаю его для показанія той общей атмосферы, въ которой солдаты карательнаго отряда держали населеніе.

Первый день пребыванія отряда на ст. «Сортировочная» такъ ужасно подѣйствовалъ на дежурнаго по станціи г. Ладнова, что онъ захворалъ и его стала бить лихорадка. На утро онъ не могъ подняться съ постели и послалъ сообщеніе о болѣзни на станцію, прося замѣнить его другимъ. Въ отвѣтъ на это пришло распоряженіе офицера, чтобъ онъ немедленно явился и дежурилъ по станціи, въ противномъ случаѣ его сейчасъ же арестуютъ и поступятъ съ нимъ такъ же, какъ, онъ видѣлъ, поступали съ другими.

Пришлось ему отправиться и больному дежурить.

На прилагаемомъ чертежѣ изображенъ схематическій планъ станціи «Сортировочная», гдѣ были убиты таксировщикъ Воронинъ и остальные, случайно находившіеся на путяхъ, люди.

ГЛАВА III.

Не доѣзжая полутора верстъ до станціи Перово, поѣздъ съ солдатами повстрѣчалъ на запасныхъ путяхъ много крестьянъ съ подводами, разбиравшихъ остатки товаровъ. Они, не торопясь, съ большой дѣловитостью выбирали предметы наиболѣе необходимые имъ. Поэтому не обратили никакого вниманія на подходившій поѣздъ. Правда, перовцы предупреждали ихъ, что еще съ вечера ожидаютъ казаковъ; но они не вѣрили, не могли понять, къ чему это? Зачѣмъ нужны теперь казаки? Когда раньше, вначалѣ грабежа не прислали никого, допустили все расхитить; а теперь и товаровъ-то ничего почти не осталось! Рѣшили по своей простотѣ, что перовцы нарочно придумали, чтобы попугать ихъ, подсмѣяться надъ ними, сдѣлавшими конецъ на своей кляченкѣ съ сотню верстъ.

Но ихъ благодушіе было скоро разсѣяно залпами изъ оконъ медленно подходившаго поѣзда, отъ которыхъ попадали ихъ кляченки и съ крикомъ и стономъ грохнулись на снѣгъ раненые люди.

Стрѣльба началась ожесточенная; солдаты поспрыгивали съ вагоновъ, разсыпались по запаснымъ путямъ и стрѣляли по бѣжавшимъ вдоль путей! Другая часть крестьянъ бросилась влѣво, на поляну, употребляя всѣ усилія достигнуть лѣса, окаймляющаго поляну.

Но ихъ разсчетъ былъ невѣренъ; пули были быстрѣе, и много людей полегло на этой полянѣ; только немногіе добрались до лѣса и избѣжали смерти.

Сколько было убито на этой полянѣ и на запасныхъ путяхъ, трудно сказать; точныхъ свѣдѣній нѣтъ, и получить ихъ врядъ ли удастся; большинство изъ убитыхъ пріѣзжіе изъ дальнихъ деревень, неизвѣстные мѣстному населенію.

По показанію сторожа М. трупы всѣхъ убитыхъ солдаты собрали и сложили въ 2 вагона, а потомъ вечеромъ отправили поѣздомъ по направленію къ Москвѣ. По его мнѣнію было 52—57 убитыхъ.

Свидѣтельница К. слышала изъ нѣкоторыхъ источниковъ, что было убито значительно больше 50 чоловѣкъ. Я постараюсь точнѣе выяснить эту цифру, тѣмъ болѣе, что опросъ свидѣтелей еще не законченъ мною, въ виду трудности розыска ихъ.

Относительно послѣдняго обстоятельства интересно разсказать слѣдующій случай со мною.

Мнѣ былъ крайне необходимъ свидѣтель К., старикъ, который много ужасовъ видѣлъ передъ тѣмъ, пока не набросились на него солдаты и штыками

нанесли ему 9 тяжелыхъ ранъ. Предполагая, что онъ убитъ, солдаты бросили его на снѣгу и ушли. Кто-то его поднялъ, и какимъ то путемъ удалось его отправить въ Басманную больницу; тамъ онъ поправился и недавно выписался изъ больницы. Живетъ въ настоящее время въ Перовѣ. Три раза приходилъ я къ нему и каждый разъ встрѣчалъ рядъ подозрительныхъ вопросовъ:

«Вамъ, батюшка, зачѣмъ его нужно? вѣдь онъ совершенно ни въ чемъ не виноватъ!»

Я объяснялъ цѣль моего посѣщенія и указывалъ на необходимость его видѣть лично. Каждый разъ я получалъ уклончивый отвѣтъ, что онъ только что уѣхалъ въ Москву, что онъ живетъ всегда въ Москвѣ; когда же я спросилъ его московскій адресъ, то оказалось, что его въ Москвѣ нѣтъ, такъ какъ онъ живетъ въ Перовѣ. Я былъ удивленъ такимъ недовѣріемъ, и когда постарался выяснить причину, почему онъ прячется отъ меня, то оказалось, что онъ боится, что его добьютъ теперь до смерти, такъ какъ тогда его били, да не добили; что я разыскиваю его съ цѣлью убить совсѣмъ, т. е. исправить ошибку солдатъ, такъ какъ только по ошибкѣ и халатности ихъ онъ остался живъ. Боязнь этого старика такъ велика, что до сихъ поръ мнѣ не удалось его разыскать.

Такой страхъ имѣетъ до нѣкоторой степени реальную подкладку. Солдаты, стрѣляя въ бѣгущихъ людей,

иногда на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженей, не убивали на смерть, а только ранили и оставляли ихъ корчиться и страдать на снѣгу.

Правда съ отрядомъ солдатъ пріѣхалъ ихъ собственный Красный Крестъ съ военнымъ врачемъ; но онъ предназначался для своихъ раненыхъ, такъ какъ начальниками войскъ ожидалось вооруженное сопротивленіе боевой дружины. Нужно замѣтить, что ихъ предположеніе не оправдалось и изъ солдатъ никто не былъ раненъ, въ нихъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла.

Всѣхъ раненыхъ поднималъ и уносилъ къ себѣ санитарный отрядъ поѣздовъ Дальняго Востока, приходившихъ сюда въ желѣзнодорожную мастерскую для ремонта. Кромѣ того нѣкоторыхъ раненыхъ относили въ мѣстную больницу. И вотъ изъ этой больницы 16 декабря вечеромъ солдаты унесли 3 тяжело раненыхъ, еще съ признаками жизни; зачѣмъ, куда и для чего ихъ взяли—неизвѣстно; что стало съ ними потомъ, тоже неизвѣстно! Достовѣрно утверждаю только то, что раненые были сильно изуродованы, такъ что признать ихъ было нельзя, и что этихъ раненыхъ, числомъ 3, солдаты унесли изъ мѣстной перовской больницы, и что они были съ признаками жизни.

Во всякомъ случаѣ свидѣтель К., которому я имѣю всѣ основанія довѣрять, слыщалъ изъ прямыхъ, офиціальныхъ источниковъ, что 3 раненыхъ были взяты

солдатами по приказанію полковника, такъ какъ этимъ людямъ «не мѣсто быть въ больницахъ».

Относительно раненыхъ, помѣщенныхъ въ санитарныхъ поѣздахъ, упорно циркулируетъ среди населенія ужасный слухъ, который передавался тѣми больными, получившими выздоровленіе, которые сами это слышали. Въ санитарный поѣздъ явился Риманъ и потребовалъ выдачи ему дружинниковъ для разстрѣла, которые остались еще въ живыхъ. Комендантъ, въ чинѣ полковника, завѣдующій санитарнымъ поѣздомъ, отвѣтилъ, что этого онъ не сдѣлаетъ, что санитарный поѣздъ не для того существуетъ, чтобы въ немъ разстрѣливать раненыхъ; что это есть убѣжище для раненыхъ, признанное всѣми кодексами законоположеній, всѣми государствами.

И Риманъ ушелъ ни съ чѣмъ!

Надо думать, что этотъ слухъ вѣренъ, свидѣтели передавали, что слышали это отъ самихъ раненыхъ, лечившихся въ санитарномъ поѣздѣ. Я хотѣлъ провѣрить черезъ санитаровъ, но къ сожалѣнію тѣ поѣзда ушли на Востокъ и никого изъ нихъ здѣсь не осталось.

Этотъ страшный слухъ, вселившій ужасъ во всемъ населеніи, ярко свидѣтельствуетъ о жестокости начальника. Быть можетъ, поэтому полковника Римана прозвали здѣсь «финляндскимъ княземъ», указывая тѣмъ самымъ, что это не русскій человѣкъ,

такъ какъ русскій не могъ бы быть такъ прямо непонятно жестокъ съ своими родными братьями.

Занявъ запасные пути, разогнавъ, убивъ и ранивъ тѣхъ, кто находился тамъ, другая часть отряда подъ командой Римана направилась къ станціи.

На платформѣ никого не было. Выстроивъ солдатъ на платформѣ, полковникъ крикнулъ: «Кто есть на станціи — выходи»! Вышелъ станціонный жандармскій унтеръ-офицеръ Подгорный. «Есть на станціи кто-нибудь?» Дѣйствительно, оказалось, что въ залѣ I класса находилось много бабъ, преимущественно женъ жандармовъ и станціонныхъ служащихъ. Собрались онѣ сюда съ ранняго утра, такъ какъ начальникъ станціи Фроловъ еще съ вечера предупредилъ, что пріѣдетъ московское начальство устанавливать порядокъ. Полковникъ приказалъ солдатамъ разогнать бабъ и никого на станцію не пускать.

Въ это время на станціи находился при исполненіи служебныхъ обязанностей жандармскій унтеръ-офицеръ Подгорный; когда солдаты стали очищать вокзалъ, онъ пошелъ къ себѣ домой и разсказалъ женѣ, что пріѣхалъ полковникъ Риманъ. Черезъ нѣкоторое время къ нему на квартиру пришелъ для обыска тотъ самый Риманъ, котораго онъ видѣлъ на станціи.

Осмотрѣвъ квартиру, полковникъ увидѣлъ на стѣнѣ шашку и револьверъ:

— Кому принадлежитъ это оружіе, выходи на середину комнаты!—крикнулъ Риманъ.

Весь блѣдный, въ испугѣ вышелъ хозяинъ квартиры, станціонный жандармъ Подгорный, и сталъ увѣрять Римана, что онъ ни въ чемъ невиновенъ, а оружіе это находится у него потому, что онъ жандармъ. Офицеръ нацѣливаетъ на него револьверъ и говоритъ:

— Всѣ вы, мерзавцы, чтобы спастись отъ смерти, готовы назваться жандармами!—Чѣмъ докажете, не выходя изъ комнаты, что вы жандармъ?

Онъ вытащилъ свою одежду и думалъ, что такимъ неоспоримымъ вещественнымъ доказательствомъ разсѣетъ всякія сомнѣнія. Но для полк. Римана это было неубѣдительно, и несчастному жандарму предстояла смерть. Къ счастью, жена его отыскала проѣздной билетъ, съ фотографической карточкой.

Такимъ образомъ онъ былъ спасенъ!

Но и спасеніе было пока кажущееся, потому что Риманъ злобно крикнулъ ему: «Ну, одѣвайся, мерзавецъ, въ жандармскую форму и бѣги на станцію»— Это приказаніе «бѣги домой», «бѣги на станцію»—въ понятіяхъ населенія равносильно: «готовься къ смерти»!.

Много разъ приходилось убѣждаться перовцамъ, что приказаніе «бѣги домой» есть не что иное, какъ привычка хорошаго охотника,—никогда не стрѣлять по птицѣ, спокойно сидящей на суку. Онъ предва-

рительно спугнетъ ее, а потомъ уже стрѣляетъ въ летъ. Такъ и тутъ: поймавъ свою жертву, руководитель «усмиренія» милостиво отпускаетъ его на свободу, приказавъ ему: «Бѣги домой, да поживѣй!»—слѣдитъ за нимъ, какъ тотъ на крыльяхъ счастья несется прочь отъ этого рокового мѣста, а затѣмъ... раздается залпъ, безъ команды, безъ словъ, и несчастный падаетъ на снѣгъ.

Разсказываютъ про одного смекалистаго солдатика Коновалова, котораго задержали вмѣстѣ съ двумя рабочими на улицѣ, ихъ обыскали и, ничего не найдя, приказали имъ: «бѣгите домой! да живо... безъ оглядки...»! Они и бросились бѣжать...

Солдатикъ-то, хорошо зная, что теперь нельзя плошать, что его жизнь зависитъ отъ него самого, ударился въ бѣгъ, какъ звѣрь... Онъ бѣжалъ зигзагами, дѣлая громадные скачки въ стороны; когда уставалъ—бросался въ канаву, въ снѣгъ, потомъ вновь бѣжалъ...

По немъ стрѣляли, какъ въ садкѣ по дикому волку стрѣляютъ опытные охотники; пули свистали вокругъ него, не причиняя вреда. И звѣрь ушелъ отъ нихъ... Коновалова ранили въ руку, и онъ остался живъ, а оба его товарища сразу полегли отъ перваго залпа, обливаясь кровью. Они были убиты!..

Старшій помощникъ начальника станціи Орловскій былъ на платформѣ въ то время, когда пріѣхалъ Семеновскій отрядъ. Еще наканунѣ онъ слышалъ отъ своего прямого начальника Фролова, что пріѣдетъ начальство, устанавливать на линіи порядокъ. Ждали казаковъ.

Когда Орловскій увидалъ, что всѣхъ согнали съ платформы, и солдаты угрожающе держали себя по отношенію къ окружающимъ, а аппаратъ, сигнальные приборы и все дежурство станціи перешло въ руки солдатъ желѣзнодорожнаго баталіона, онъ пошелъ домой, какъ ненужный на своемъ посту, чтобъ успокоить жену относительно своей судьбы. Придя домой, онъ разсказалъ своей женѣ, какъ грубо и жестоко обращаются съ публикой прибывшіе солдаты, не казаки, которыхъ всѣ ожидали, а совсѣмъ другіе, петербургскіе солдаты, посидѣлъ четверть часа дома и отправился на станцію. Больше домой онъ не возвращался. Это были послѣднія пятнадцать минутъ, которыя онъ подарилъ своей женѣ, не сознавая этого самъ. Несчастная вдова получила на слѣдующій только день изуродованный, обезображенный трупъ своего мужа.

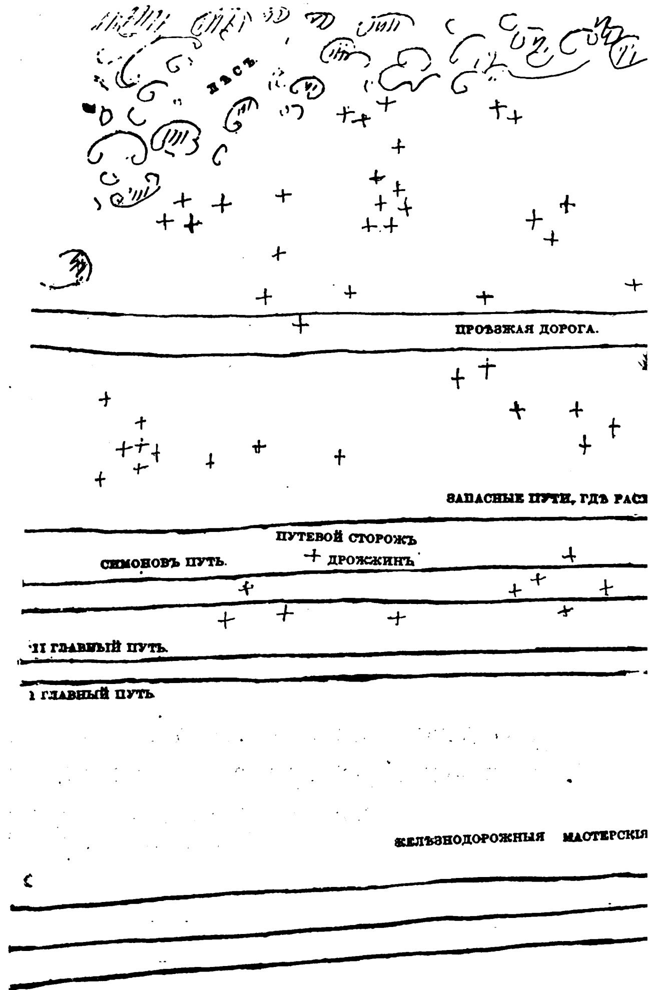
Онъ былъ такъ сильно изуродованъ, что, если бы не одежда, то нельзя было бы его признать. Все лицо было истыкано штыками. Глазныя впадины были пробиты до мозга. Подбородокъ, щеки, носъ представляли изъ себя сплошную кровавую маску:

«Только губы остались цѣлы», — сказала вдова, молодая красивая женщина, находящаяся въ послѣдней степени беременности. Что должна была она пережить въ эту минуту, когда ремонтные рабочіе принесли ей обезображенное тѣло, вмѣсто любимаго, вчера еще живого мужа. Съ дрожью въ голосѣ она спросила меня, когда я съ ней разговаривалъ: «Скажите, зачѣмъ это «они» такъ изуродовали его? Ну убили бы, если это нужно! Лишили бы жизни человѣка, и достаточно; но зачѣмъ такое издѣвательство? Зачѣмъ такъ истерзали его тѣло? Что это—злоба ли, месть ли проявлена на немъ? Какъ это ужасно! Не нахожу словъ, чтобы передать вамъ, что я пережила за это время!»

Разсказываютъ, что когда Орловскій подходилъ къ станціи и уже поднялся на верхнія ступеньки, полковникъ приказалъ разстрѣлять его. Нѣсколько пуль сразили его, онъ упалъ еще живой, остальное было сдѣлано штыками. Потомъ отнесли его въ вагонъ, и только утромъ удалось служащимъ вмѣстѣ съ ремонтными рабочими доставить трупъ къ вдовѣ Орловской.

Покончивъ съ Орловскимъ, полковникъ Риманъ встрѣтился на платформѣ съ другимъ помощникомъ начальника станціи, Ларіоновымъ, который былъ дежурнымъ на станціи. Ларіоновъ возвращался съ запасныхъ путей, куда онъ отводилъ пріѣхавшій съ семеновцами поѣздъ. Риманъ, увидѣвъ его въ формѣ, спросилъ:

Планъ станціи Перово, ст

Крест

съ показаніемъ мѣстъ, гдѣ были убитые.

ДОРОГА КЪ ДАЧАМЪ.

ДОРОГА.

Крестами обозначены убитые.

ДОРОГА ВЪ КУСКОВО.

ОВОДОВЪ.

ПАХОМОВЪ.

…ЖАЛИСЬ ТОВАРЫ.

II ГЛАВНЫЙ ПУТЬ

I ГЛАВНЫЙ ПУТЬ

МОЛОСТОВЪ 2-й

МОЛОСТОВЪ 1-й

СТАНЦІЯ.

ЛАРІОНОВЪ.

ОРЛОВСКІЙ

САНИТАРНЫЕ ПОѢЗДА.

ШОССЕ ВЪ КАРАЧАРОВО.

обозначены убитые

— Вы помощникъ нач. ст. Ларіоновъ?

— Да.

— Идите ко мнѣ въ кабинетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они оттуда вышли, и полковникъ громко ему сказалъ:

— Слѣдуйте за мной!

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до того мѣста, гдѣ стояли 4 солдата, около лѣсенки, раздалась грозная команда:

— Въ штыки его!

Первый ударъ штыка пришелся въ позвоночникъ: Ларіоновъ упалъ въ страшныхъ мукахъ, началъ кричать, просить пощады, милосердія. На него посыпались удары штыками. Раздался отчаянный вопль, который разнесся далеко по окрестности. Свидѣтельница О. разсказывала, что находясь далеко отъ станціи, она слышала душу раздирающій крикъ Ларіонова, когда, по ея выраженію, «его пороли штыками». Наконецъ его запороли до смерти, и офицеръ для успокоенія своей совѣсти чтобы не оставить его въ живыхъ, выстрѣлилъ въ високъ. То, чего такъ долго молилъ бѣдняга Ларіоновъ,—чтобы послѣднимъ выстрѣломъ прекратить его ужасныя страданія, — онъ получилъ послѣ своей смерти.

Затѣмъ полковникъ Риманъ отправился съ солдатами въ одну сторону по Перову, капитанъ Зыковъ— въ другую.

Придя въ одну изъ частныхъ квартиръ, мнѣ уда-

лось разыскать одного свидѣтеля N. и разспросить объ обстоятельствахъ убійства двухъ его сыновей. Этотъ суровый старикъ произвелъ на меня сильное, глубокое впечатлѣніе своей дѣловитостью, отсутствіемъ многословія и тѣмъ безконечнымъ, безысходнымъ горемъ, которое чувствовалось въ каждомъ его суровомъ словѣ.

Пом. Начальн. станціи въ Перовѣ. Ларіоновъ, убитый.

Обстоятельства убійства его сыновей были дѣйствительно возмутительны.

Къ нему въ квартиру пришелъ полковникъ Риманъ съ обыскомъ; вся семья въ это время была въ сборѣ, тутъ же находились оба его сына; одному было 20

лѣтъ, другому 22. Они работали въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ качествѣ токарей. Полковникъ, ничего не найдя, разспросивъ — кто они, гдѣ работаютъ, удовлетворился ихъ отвѣтами и съ миромъ ушелъ.

Ребята, посидѣвъ еще нѣсколько времени дома, пошли прогуляться по улицѣ и кстати поиграть на билліардѣ. Къ нимъ подошли еще двое пріятелей и вчетверомъ они продолжали путь.

Когда они подошли къ переѣзду черезъ полотно желѣзной дороги, ихъ остановили солдаты и обыскали. Ничего не найдя, хотѣли отпустить, но одинъ изъ солдатъ замѣтилъ:

— «Ребята, да вѣдь это забастовщики! въ штыки ихъ!».

— И дѣйствительно, въ одно мгновеніе солдаты набросились на нихъ и начали пороть ихъ штыками; двое пріятелей бросились бѣжать, тогда ихъ уложили пулями, а оба брата полегли тутъ же по краямъ дороги. Одинъ былъ исколотъ штыками, а другой раненъ въ животъ и пулей, и штыками.

Старикъ, ничего не зная о случившемся, пошелъ посмотрѣть, что вообще дѣлается, и, подойдя къ переѣзду, увидалъ лежащихъ по краямъ дороги своихъ сыновей.

Одинъ изъ нихъ еще былъ живъ, раненый пулей въ животъ; другой же мертвъ, его трудно было отцу признать за своего сына. Ни одного зуба не было во рту, глаза, носъ, переносица, — все было испорото

штыками. Раненаго сына подняли санитары манчжурскихъ поѣздовъ, и къ 12 часамъ ночи онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ санитарномъ вагонѣ. Принеся трупъ другого сына къ себѣ домой, снимая съ него пальто, старики увидѣли примерзшіе къ одеждѣ нѣсколько зубовъ, которые повылетали изъ его рта подъ жестокими ударами штыковъ.

— «Я самъ солдатъ, — началъ старикъ, — служилъ Царю вѣрой и правдой и готовилъ для его царской службы четырехъ сыновей. Но вотъ наши же солдаты убили у меня двоихъ... И какъ убили: терзали, мучили, пронзали штыками, все тѣло изуродовали до неузнаваемости. Зачѣмъ убили? За что? За что издѣвались надъ ними?»

— «Я самъ солдатъ!—Старикъ выпрямился и суровымъ взглядомъ обвелъ кругомъ, — но на это у меня нѣтъ пониманія; нѣтъ указанія въ воинскомъ уставѣ. Я пойду къ самому царю, я пойду и спрошу его, за что убили моихъ сыновей? И если отъ него узнаю, что это убили ихъ по его распоряженію, его солдаты, я не дамъ ему двухъ другихъ сыновей, которыхъ я ращу. Лучше я ихъ убью своими руками, но не дамъ Царю на службу, чтобъ не сдѣлать ихъ палачами».

Въ третьемъ часу дня путевой сторожъ Дрожжинъ, сидя у себя дома, обратился къ своей старухѣ съ просьбой, чтобы вмѣсто него она пошла на Симоновскій путь для исполненія служебныхъ обязанностей.

— Мнѣ какъ-то жутко, ступай самъ, — отвѣтила старуха.

— Ну ладно, попью чайку, схожу, успѣю еще,— согласился сторожъ и, напившись чаю, отправился.

Не успѣлъ онъ дойти до своего участка, какъ мѣткая пуля попала ему въ животъ, и когда онъ упалъ, солдаты набросились на него и начали пороть штыками. Особенно пострадалъ животъ, такъ

†† Братья Молостовы.
Рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ станціи Перово.

что кишки выпали наружу и примерзли къ одеждѣ. Солдаты, думая, что съ нимъ покончили совсѣмъ, пошли далѣе. Несчастный Дрожжинъ былъ живъ и пролежалъ на морозѣ 4 часа съ распоротымъ животомъ; въ седьмомъ часу вечера его подняли санитары и отнесли къ себѣ въ вагонъ: только въ 1-мъ часу

ночи онъ умеръ на ихъ рукахъ, послѣ того, какъ они зашили ему кишки и животъ. На другой день старуха получила его трупъ и сама похоронила.

Разсказывая мнѣ исторію убійства мужа, она, какъ бы въ противовѣсъ милостивому отношенію солдатъ къ своему покойнику, привела случай, видѣнный ею изъ окна своей квартиры, расположенной вблизи дорожнаго пути.

— Это еще, слава Богу, съ моимъ мужемъ-то милостиво обошлись! Попороли штыками, да и бросили; а вотъ тутъ, недалеко отъ моихъ оконъ, шли двое; въ нихъ выстрѣлили, они упали; солдаты бросились и ну ихъ штыками!! Пороли, пороли... потомъ бросили, видятъ еще идутъ двое, и тѣхъ также.

Я кричу:

— «Батюшки, батюшки, да что же это такое дѣлается? Убили—ихъ!»

Въ это время я не знала, что съ моимъ-то также покончили. Не отхожу отъ окна и все смотрю. Солдаты недалеко отъ пути встали во фрунтъ, съ ними офицеръ. Вдругъ вижу: одинъ-то изъ четырехъ, лежавшихъ на снѣгу, — зашевелился; должно быть, застоналъ еще, такъ какъ солдатъ очнулся, подошелъ къ нему: подержалъ за одежду — видитъ шевелится; и ну его штыкомъ началъ пороть; пороль, поролъ—надо думать запоролъ совсѣмъ и опять отошелъ въ сторону. Не прошло и 20-ти минутъ, какъ етотъ-то опять зашевелился,—головой замоталъ —

страсть живучъ былъ,—солдатъ въ сердцахъ опять подошелъ и штыкомъ докололъ его; а потомъ и офицеръ подошелъ и выстрѣлилъ ему въ голову. На Дальнемъ Востокѣ и то, должно, такъ не было...—закончила Дрожжина свой безыскусственный, страшный разсказъ.

Жутко мнѣ стало послѣ этого разсказа. Ея простыя слова подѣйствовали удручающе не только на меня, но и на всѣхъ здѣсь присутствующихъ.

Списокъ убитыхъ въ Перовѣ, которые были занесены въ церковную книгу и отмѣчены тамъ „убитыми“.

(Полнаго списка достать невозможно).

1. Ешуковъ, молотобоецъ желѣзнодор. мастерской.
2. Абрамъ Баутинъ, 29 лѣтъ.
3. Сергѣй Коршуновъ, 36 л., слесарь мастерскихъ.
4. Лаврентій Коротковъ, 20 л , столяръ мастерскихъ.
5. Иванъ Алфимовъ, 22 года.
6. Кузьма Молостовъ, 22 года, токарь мастерскихъ.
7. Василій Молостовъ, 20 лѣтъ, токарь мастерскихъ.
8. Гавріилъ Дрожжинъ, 50 л., путевой сторожъ, убитъ при исполненіи служебн. обязанностей.
9. Иванъ Оводовъ, 25 л., слесарь мастерскихъ.
10. Павелъ Шкаринъ, 34 л.
11. Сергѣй Пахомовъ, 28 л., кузнецъ мастерскихъ.
12. Иванъ Чуканцевъ, 27 л.
13. Тѣло неопознанное, мужчина 22 лѣтъ.

14. Тѣло не опознанное, мужчина 20 лѣтъ.

15. Сергѣй Орловскій, 32 г., помощн. нач. станціи.

16. Алексѣй Ларіоновъ, 29 л., помощн. нач. станціи.

Въ газетѣ «Русское Слово» было напечатано совершенно невѣрное сообщеніе о томъ, что помощникъ начальника станціи въ Перовѣ Г. Ларіоновъ съ 7 декабря былъ уволенъ со службы, но исполнялъ свои обязанности по распоряженію стачечнаго комитета. Ларіоновъ ничего не зналъ о какомъ-либо увольненіи и во время пріѣзда отряда полк. Римана былъ дежурнымъ по станціи. О пріѣздѣ солдатъ всѣ были предувѣдомлены, и по распоряженію дежурнаго по станціи Ларіонова былъ открытъ путь для ихъ поѣзда его товарищемъ Ветошкинымъ.

За часъ до пріѣзда солдатъ жена Ларіонова находилась на станціи со своимъ мужемъ; онъ былъ одѣтъ тогда въ штатское и по совѣту начальника станціи Фролова переодѣлся въ форменную шинель и фуражку. Жена, хорошо зная, что мужъ ни въ чемъ не виновенъ, спокойно простилась съ нимъ и ушла со станціи, предварительно условившись, что въ 4 часа зайдетъ за нимъ, чтобы вмѣстѣ итти обѣдать. Она ушла за полторы версты отъ Перова, не слыхала предсмертныхъ криковъ своего мужа и ничего не знала; когда же къ условленному часу она вернулась вновь на станцію, его холодный трупъ лежалъ на платформѣ около лѣсенки.

Картина его смерти была описана выше.

Въ 4 часа дня, подходя къ станціи, солдаты ее остановили и не пропускали; крикнули ей поднять руки кверху и обыскали ее. Когда она заявила, что идетъ къ своему мужу, дежурному по станціи. ее почему-то пропустили. Тамъ застала она начальника станціи Фролова бесѣдующимъ съ капитаномъ Зыковымъ, которому была сдана станція.

Она подошла къ нимъ и спросила, гдѣ ея мужъ. Фроловъ отвѣтилъ: «не знаю, гдѣ онъ!» Этотъ отвѣтъ крайне удивилъ г-жу Ларіонову, такъ какъ начальникъ станціи всегда долженъ знать, гдѣ находится дежурный по станціи. Съ этимъ же вопросомъ она обратилась къ станціонному жандарму Подгорному и получила таковой же отвѣтъ.

Она направилась къ платформѣ, но тутъ жандармъ Подгорный, пожалѣвъ ее, посовѣтовалъ не итти на платформу, а обойти кругомъ. Она такъ и сдѣлала и, отойдя нѣсколько десятковъ саженей отъ станціи, натолкнулась на улицѣ на трупъ одного мужика, недавно пріѣхавшаго на своей лошадкѣ изъ ближайшей деревни. Она съ ужасомъ остановилась надъ этимъ трупомъ, какъ вдругъ въ эту минуту подбѣжалъ къ ней мальчикъ Казаковъ, служащій на станціи, и сказалъ: «Вы были на станціи, тамъ говорятъ, убили какого-то помощника; не вашего ли мужа?»

Она почему-то подумала, что это именно убили ея мужа и, какъ сумасшедшая, бросилась на станцію

4 солдата скрестили передъ нею штыки и не пропускали впередъ; навѣрное убили бы, если бы не вступился одинъ изъ нихъ, говоря: «Навѣрное сумасшедшая, не стоитъ!»

Въ этотъ день такъ и не могла она пройти къ трупу мужа, несмотря на мольбы, на уговоры; она чуть не на колѣняхъ молила солдатъ пропустить ее на платформу. Ее не пропустили.

На другое утро удалось ей, какъ служащей, пройти на станцію; она отыскала капитана Зыкова и умолила его дать разрѣшеніе отыскать трупъ мужа и унести его къ себѣ.

Капитанъ оказался очень вѣжливымъ, галантнымъ и произвелъ хорошее впечатлѣніе на обезумѣвшую отъ горя женщину.

Трупъ мужа нашла она на мѣстѣ его смерти весь въ крови. На тѣлѣ было 7 штыковыхъ ранъ, одна револьверная рана въ груди навылетъ и другая въ високъ. Послѣдняя рана нанесена самимъ Римановъ, какъ говорятъ, послѣ его смерти.

При помощи рабочихъ она снесла трупъ въ товарный вагонъ на 10-мъ пути, гдѣ лежали 2 трупа братьевъ Молостовыхъ и трупъ другого помощника начальника станціи Орловскаго, лицо котораго было настолько страшно изуродовано и представляло такую безобразную маску, что бѣдная женщина не выдержала и упала въ обморокъ. Мужа она похоронила сама на четвертый день; отпѣвалъ его священникъ Казанскій.

Ея мужу было 29 лѣтъ отъ роду, службы его числится на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ 13 лѣтъ. Послѣ него остались престарѣлые отецъ, мать и двѣ сестры, которыя жили его трудомъ.

Въ политической забастовкѣ онъ не принималъ никакого участія; въ комитетѣ но состоялъ. Былъ только депутатомъ по экономической части отъ служащихъ Казанской желѣзной дороги, которые избрали его послѣ предложенія управляющаго дорогой обсудить экономическія улучшенія быта служащихъ. По заявленію жандарма, Ларіоновъ былъ убитъ, потому что значился въ спискѣ Римана. Послѣ него долгое время оставалось на платформѣ кровавое пятно на томъ мѣстѣ, гдѣ его пороли штыками; большая лужа крови примерзла къ полу, и ее пришлось отмывать кипяткомъ и затирать землей.

Дальнѣйшія событія по усмиренію жителей Перова продолжали развиваться съ поразительной быстротой и разнообразіемъ

Во всѣхъ домахъ происходили повальные обыски; нѣкоторые дома обыскивали по 3—4 раза. Пріемы употреблялись самые грубые, рѣзкіе; обращеніе съ жителями было возмутительно вызывающее. Въ нѣкоторыхъ квартирахъ разламывали печи, опрокидывали шкафы, буфеты. Въ ящикахъ, сундукахъ осмотры содержимаго производились при помощи штыковъ. Солдатъ поднималъ на штыкъ ворохъ одежды, бѣлья, лежащаго въ сундукѣ, и выкидывалъ на середину

комнаты, вызывая общее раздраженіе противъ такихъ дѣйствій.

Во время одного изъ такихъ обысковъ въ квартирѣ семьи Оводовыхъ, послѣ того, какъ отъ удара прикладомъ слетѣла съ петель дверь кладовки и вся одежда и бѣлье при помощи штыковъ оказались разбросанными на полу, старшій сынъ хозяйки квартиры, Иванъ Оводовъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Вы, ваше благородіе, не грабить пришли, а обыскивать, такъ пожалуйста поделикатнѣе обращайтесь съ вещами.

По увѣренію старухи-матери онъ былъ выпивши, потому и рѣшился такъ сказать.

Въ комнатѣ жильцовъ нашли 4 топора, какъ оказалось, краденые изъ вагоновъ, и 2 мѣшочка съ дробью.

Офицеръ пришелъ въ раздраженіе и сталъ угрожать присутствующимъ револьверомъ, который держалъ въ рукѣ. Когда же нашли сломанный револьверъ, то онъ злобно спросилъ:

— Чей это?

— Мой,—отвѣтилъ Иванъ Оводовъ.

— Посторонись, старуха!—крикнулъ Риманъ и выстрѣломъ изъ револьвера въ лобъ убилъ его.

По показанію Оводовой искали только оружіе, но не краденыя вещи; когда же случайно находили ихъ, то оставляли на мѣстахъ и тѣмъ самымъ какъ бы офиціально утверждали новыхъ хозяевъ въ ихъ правахъ чужой собственности.

Обстоятельства смерти Ешукова таковы. Къ нему пришли солдаты на квартиру съ обыскомъ и своимъ рѣзкимъ, безцеремоннымъ обращеніемъ съ нимъ начали его раздражать. Онъ все крѣпился и терпѣлъ. Когда же его имущество и вещи полетѣли въ разныя стороны, постель и подушки оказались на полу вмѣстѣ съ добромъ изъ сундуковъ, онъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе и, получивъ въ отвѣтъ на это грубыя ругательства со стороны солдатъ, вступилъ съ ними въ пререканія. Нѣсколько разъ офицеръ крикнулъ ему «молчать», но тотъ все не унимался. Обыскъ приходилъ уже къ концу, никакого оружія не было найдено; но раздраженіе все росло другъ противъ друга. Передъ тѣмъ, какъ уходить солдатамъ, офицеръ приказалъ Ешукову слѣдовать за нимъ.

Выйдя на улицу, онъ скомандовалъ солдатамъ:— разстрѣлять его!

И тутъ же на шоссе, ведущемъ къ Карачарову, нѣсколькими выстрѣлами его убили.

Онъ работалъ въ качествѣ молотобойца въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Другого рабочаго тѣхъ же мастерскихъ, кузнеца Пахомова, послѣ обыска въ его квартирѣ взяли солдаты на штыки на улицѣ. Тамъ у него нашли револьверъ, который онъ призналъ своимъ. Почему-то офицеръ не убилъ его на мѣстѣ, а велѣлъ идти за нимъ на улицу и, пройдя нѣсколько шаговъ, скомандовалъ: «въ штыки его»!

Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ отъ однѣхъ только штыковыхъ ранъ.

Всѣхъ убитыхъ хоронилъ перовскій священникъ, отецъ Александръ. Все населеніе отзывается о немъ съ большой симпатіей и любовью. Особенно большія похвалы мнѣ приходилось слышать отъ бѣдноты: «Жалѣлъ онъ насъ, всегда нашу сторону держалъ!..»

Когда старикъ Молостовъ обратился къ своему приходскому священнику въ Карачаровѣ съ просьбой похоронить двухъ его убитыхъ сыновей, тотъ отказался, и пришлось Молостову просить отца Александра, что тотъ и сдѣлалъ безъ минуты колебанія.

Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ вечеромъ, въ десятомъ часу, явился къ отцу Александру на квартиру желѣзнодорожный сторожъ съ слѣдующей запиской: «Священнику отцу Александру Казанскому. Начальникъ военной охраны ст. Перово проситъ васъ пожаловать сейчасъ къ нему на станцію. Капитанъ Зыковъ». Священникъ явился къ нему и больше домой въ свою семью не возвращался.

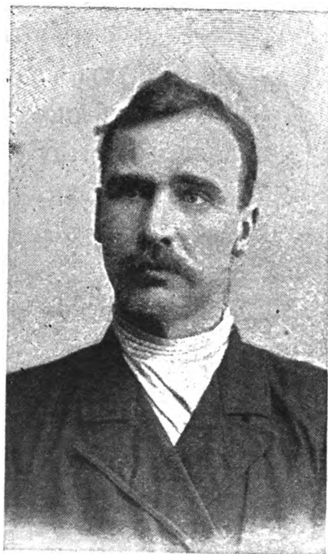
Его арестовали и въ часъ ночи отправили въ Москву, гдѣ его продержали на вокзалѣ до 4 часовъ дня, а затѣмъ отправили въ Таганскую тюрьму; тамъ онъ находится до настоящаго времени.

На Московскомъ вокзалѣ съ нимъ обращались въ высшей степени грубо и жестоко; осыпали его насмѣшками и бранью.

Обвинительнаго акта до сихъ поръ еще не вручи-

ли отцу Александру, но на словахъ жандармы обвиняютъ его въ томъ, что будто бы онъ состоялъ въ Перовѣ главнымъ агентомъ революціонеровъ, хранилъ и раздавалъ оружіе и предводительствовалъ боевой дружиной, не поминалъ Царя во время богослуженій. Обвиняютъ его по 102 и 129 ст.

Съ большими трудностями удалось мнѣ въ концѣ концовъ разыскать одного пострадавшаго отъ жесто-

Каринскій.

костей «карательнаго» отряда на станціи Перово г. Каринскаго. Въ него былъ сдѣланъ залпъ изъ ружей, оинъ упалъ безъ признаковъ жизни. Солдаты, пред-

полагая, что онъ убитъ, не добили его штыками, а ушли дальше продолжать свое дѣло. Несчастный между тѣмъ былъ живъ. Нѣкоторое время пролежалъ онъ въ безсознательномъ состояніи, потомъ пришелъ въ себя; къ счастью, вскорѣ подоспѣли санитары съ манчжурскихъ поѣздовъ, подняли его и отнесли въ свой санитарный вагонъ, гдѣ, благодаря внимательному и прекрасному уходу этихъ добрыхъ людей, онъ остался живъ, хотя калѣкой на всю жизнь.

Каринскій недавно возвратился съ поля военныхъ дѣйствій изъ Манчжуріи, получивъ шестимѣсячный отпускъ по болѣзни, такъ какъ былъ контуженъ. Въ Перово онъ пріѣхалъ для того, чтобы подыскать себѣ какія-нибудь занятія, такъ какъ раньше, до войны, онъ работалъ здѣсь около 4-хъ лѣтъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ качествѣ токаря по металлу.

16 декабря, въ этотъ злополучный день, онъ находился дома. У него, какъ и у другихъ, былъ произведенъ на дому обыскъ, производилъ его самъ Риманъ, и, ничего не найдя, полковникъ съ солдатами ушелъ продолжать обыски по другимъ квартирамъ.

Каринскій, не считая за собой никакой вины, да кромѣ того успокоившись, что теперь ничего не можетъ случиться, такъ какъ при обыскѣ ничего не было найдено, фамиліи въ спискахъ не значилось, рѣшилъ пойти въ близъ лежащую чайную лавку попить чайку. Находилась она всего въ 20 саженяхъ отъ его дома. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ уви-

далъ на улицѣ убитую лошадь, подошелъ къ ней посмотрѣть. Въ это время видитъ недалеко отъ себя двухъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ которыхъ былъ сдѣланъ залпъ изъ ружей, и они замертво упали на снѣгъ. Увидя эту страшную картину, Каринскій въ первую секунду рѣшилъ сначала бѣжать, но потомъ сообразилъ, что это бездѣльно и даже глупо, такъ какъ если побѣжитъ, то навѣрное будетъ убитъ. Остался стоять на мѣстѣ въ полной увѣренности, что убивать его не за что, что съ спокойной совѣстью можетъ сказаться, кто онъ, откуда, пояснить, что начальство дѣлало у него обыскъ и ничего не нашло.

Къ нему подошли солдаты, 8 человѣкъ, и обыскали его. Конечно, ничего не нашли. Спросили его, кто онъ, гдѣ живетъ? Каринскій отвѣтилъ:

— «Изъ Манчжуріи, ребятушки мои, возвратился; контуженъ тамъ былъ, вотъ теперь въ отпускъ и пріѣхалъ. Сражался тамъ за Царя своего, за матушку Русь, много лишеній претерпѣлъ, хворость пріобрѣлъ!..»

Пока онъ говорилъ, солдаты отошли на нѣсколько шаговъ въ сторону, и вдругъ къ ужасу своему Каринскій видитъ, что солдаты цѣлятъ въ него, и всѣ восемь ружей своими дулами направлены въ него. Не успѣлъ онъ снова сказать, крикнуть, раздался залпъ ружей, безъ команды, какъ бы по взаимному соглашенію, и несчастный Каринскій, какъ снопъ, повалился на снѣгъ. Двѣ пули пронизали его навылетъ, остальныя просвистѣли мимо, не причинивъ ему вреда. Раненъ

онъ былъ очень тяжело, но благодаря прекрасному уходу и человѣколюбивому вниманію со стороны санитаровъ онъ былъ спасенъ отъ смерти.

Въ настоящее время онъ съ трудомъ ходитъ, къ труду совершенно неспособенъ и отчаивается въ своемъ безвыходномъ положеніи, такъ какъ у него на рукахъ имѣются двое ребятъ и жена. Каринскій разсказываетъ, что въ томъ же вагонѣ, гдѣ онъ лечился, было еще кромѣ него 7 человѣкъ раненыхъ изъ числа мѣстныхъ жителей. Трое изъ нихъ къ ночи умерли, а 4 остались живы.

Вмѣстѣ съ ними лежалъ раненый, нѣкій Макарычевъ, служившій въ качествѣ кладовщика въ матеріальномъ складѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Онъ былъ раненъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, находясь около санитарныхъ поѣздовъ. Отсюда явствуетъ, что пули летѣли по направленію санитарнаго поѣзда, и по свидѣтельству нѣкоего К. комендантъ одного изъ санитарныхъ поѣздовъ вынужденъ былъ пойти къ Риману съ требованіемъ прекратить по нимъ стрѣльбу.

Послѣ своего выздоровленія Каринскій долженъ былъ, какъ рядовой, заявить своему военному начальству, что онъ пострадалъ отъ огнестрѣльнаго оружія и теперь ни къ какому труду не способенъ. По распоряженію московскаго губернатора было произведено разслѣдованіе мѣстнымъ урядникомъ. Какіе оно дало результаты,—не знаю.

Интересно разсказать три случая, которые произошли уже черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Семеновскій отрядъ уѣхалъ и возвратился въ Петербургъ, чтобы ярче охарактеризовать тѣ завѣты, которые были имъ преподаны своимъ замѣстителямъ, тотъ ужасный произволъ, основанный на силѣ штыка и свободномъ отнятіи чужой жизни; эти завѣты еще долго царили въ этой мѣстности послѣ ихъ отъѣзда. На ст. Перово былъ помѣщенъ отрядъ солдатъ 4-й дивизіи 16 Ладожскаго пѣхотнаго полка.

5 февраля, я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены на станціи Перово. Одинъ пассажиръ въ залѣ III класса громко разговаривалъ съ своимъ пріятелемъ кондукторомъ. Подошелъ солдатъ съ ружьемъ и крикнулъ на него: «Чего разговариваешь! Замолчи!»—Тотъ возразилъ: «Не твое, братъ, это дѣло! Ничего худого нѣтъ, что я разговариваю». Не успѣлъ онъ кончить фразы, какъ ударомъ приклада въ лѣвую щеку былъ опрокинутъ на полъ, раздались отдѣльные возгласы негодованія.

— Вонъ отсюда, всѣ вонъ! — крикнулъ солдатъ и угрозой дѣйствовать ружьемъ очистилъ залъ.

Раньше до этого, во время одной изъ своихъ поѣздокъ для разслѣдованія карательныхъ дѣйствій Семеновскаго отряда, я былъ свидѣтелемъ такой сцены, разыгравшейся въ вагонѣ II класса пригороднаго поѣзда Московско-Казанской желѣзной дороги.

Въ 3 час. 10 мин. дня отходилъ со станціи Мо-

сква переполненный пассажирами поѣздъ. На закрытой площадкѣ стоялъ молодой человѣкъ.

Когда входилъ офицеръ 4 дивизіи 16 Ладожскаго полка, молодой человѣкъ сказалъ ему, что мѣста нѣтъ, вагоны переполнены.

Офицеръ отвѣтилъ: «Не ваше дѣло, убирайтесь прочь!» и вошелъ.

Завязалась перебранка; въ это время поѣздъ тронулся.

На замѣчаніе офицера, что онъ арестуетъ этого господина, тотъ возразилъ: «Вы не имѣете права, я не совершилъ ничего преступнаго! Арестовывать людей—дѣло полиціи и жандармеріи, а не офицера!»

Вся публика заинтересовалась происшедшимъ инцидентомъ и молча слѣдила за всѣми перипетіями непріятнаго столкновенія.

Но вдругъ всѣ замерли на мѣстахъ... въ рукахъ офицера блеснулъ револьверъ; онъ приставилъ дуло револьвера къ груди господина, и наступила ужасная минута...

Всѣ притихли! Кто въ ужасѣ закрылъ лицо руками, кто, наоборотъ, устремился впередъ...

Эта долгая минута была ужасна...

Послышался авторитетный, спокойный голосъ: «Не горячитесь, уберите револьверъ!» и чья-то рука отвела револьверъ въ сторону.

Говорилъ это пожилой полковникъ, оказавшійся тутъ-же по близости.

Всѣ вздохнули свободно.

Офицеръ спряталъ револьверъ.

Когда поѣздъ прибылъ въ Перово, господина арестовали.

Третій же случай самъ по себѣ настолько характеренъ, настолько простъ въ своихъ проявленіяхъ и въ то же время такъ краснорѣчивъ, въ силу полнаго произвола и невозможности искать гдѣ-либо защиты отъ него,—что дѣлается жутко и страшно за жизнь человѣка, которая въ любой моментъ можетъ быть отнята безъ суда, можетъ быть дарована въ силу каприза или милостиваго настроенія военноначальника

На станціи Перово въ январѣ произошелъ такой случай:

Старшій семафорщикъ Мусяловъ, прослужившій 11 лѣтъ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, въ 11 часовъ вечера дежурилъ въ семафорной будкѣ. Въ это время дежурный по станціи Вѣтошкинъ вызвалъ Мусялова къ телефону.

Взявъ трубку въ руки, Мусяловъ не въ состояніи былъ разслышать, что говорило ему начальство, вслѣдствіе шума другихъ семафорщиковъ. Не отнимая трубки отъ рта, онъ крикнулъ: «Эй вы! Черти! Чего тамъ... развозились!» При этомъ, тамъ, гдѣ точки, вставилъ крѣпкое словцо нецензурнаго свойства.

Вѣтошкинъ, думая, что это онъ его обругалъ дурнымъ словомъ, пожаловался ротному командиру Ладожскаго полка, и не прошло пяти минутъ, какъ явились солдаты и арестовали Мусялова.

Когда привели его на платформу, явился командиръ, окружилъ его солдатами и объявилъ Мусялову, что сейчасъ его разстрѣляетъ, а самъ пошелъ писать бумагу—постановленіе о разстрѣлѣ.

Черезъ 20 минутъ Мусялова потребовали въ залъ II класса къ командиру, для выслушанія офиціальнаго постановленія военнаго суда о разстрѣлѣ виновнаго Мусялова. Онъ выслушалъ это постановленіе, въ которомъ дѣлалась ссылка на какія-то статьи закона, или, какъ сказалъ свидѣтель, «на свои порядки».

Выслушавъ это постановленіе, онъ ждалъ смерти. Много пережилъ Мусяловъ за эти нѣсколько минутъ. Вспомнилась ему семья съ шестью ребятками, малъ-мала меньше; пожалѣлъ, что не можетъ съ ними проститься; тяжко стало также, что не можетъ передъ духовникомъ своимъ — душу открыть, поисповѣдаться, такъ какъ приведеніе въ исполненіе приговора должно совершиться немедленно, тутъ же на платформѣ.

Онъ ждалъ своей участи.

Къ счастью, нашелся добрый человѣкъ, «душевный человѣкъ»,—какъ сказалъ свидѣтель,—а именно, начальникъ станціи Зильберманъ, который уговорилъ командира не разстрѣливать его, пожалѣть несчастную семью со столькими малолѣтними ребятами.

Смягчилось сердце командира, и черезъ полчаса онъ принесъ другую бумагу, которую и прочелъ ему; въ ней говорилось, что онъ замѣняетъ ему, въ силу ходатайства начальства, смертную казнь увольненіемъ

со службы, съ тѣмъ, чтобы нигдѣ по линіи его не принимали на службу, и чтобы въ эти три дня очистилъ казенную квартиру.

Такимъ образомъ, благодаря только заступничеству добраго человѣка Мусяловъ спасся отъ смерти, хотя принужденъ будетъ долгое время влачить съ семьей полуголодную жизнь, пока не пріучится къ новой профессіи.

ГЛАВА IV.

Во время обезоруживанія дружинниками воинскихъ и санитарныхъ поѣздовъ былъ случай, когда 27 матросовъ сошли съ поѣзда и присоединились къ московской дружинѣ, послѣ того, какъ они узнали цѣль и назначеніе дружины. Они переодѣлись въ штатское платье и ѣздили въ поѣздѣ сражаться каждый вечеръ къ Мозжухинской Калиткѣ, гдѣ стояла сотня казаковъ. Эта калитка расположена недалеко отъ фабрики Мозжухина и имѣетъ выходъ на полотно желѣзной дороги.

Во время засады семеновскаго отряда недалеко отъ этой калитки, съ цѣлью уничтожить эту дружину, которая дѣйствительно забрала въ свои руки Московско-Казанскую желѣзную дорогу, въ районѣ Московской губерніи, этотъ поѣздъ со всей дружиной, ничего не зная о засадѣ, дѣйствительно былъ почти въ рукахъ солдатъ, но благодаря хладнокровію машиниста, присутствію матросовъ и нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ, переодѣтыхъ въ штатское платье, всѣ дружинники избѣжали опасности. Стрѣляли пулеметы, прострѣлили водяной и нефтяной баки, и все содер-

жимое изъ нихъ утекло, прострѣлили весь паровозъ, но паровыя трубы остались цѣлы и на остаткахъ пара въ паровозѣ все-таки поѣздъ ушелъ изъ рукъ семеновскаго отряда. Изъ дружинниковъ былъ убитъ одинъ только Алферовъ, и человѣкъ семь—восемь получили легкія пораненія. Спасла дружинниковъ отъ смерти находчивость матросовъ, скомандовавшихъ ложиться на полъ. Пулеметы, поставленные на опредѣленную высоту обстрѣла, не причиняли вреда дружинникамъ, когда они полегли, хотя пулеметы буквально изрѣшетили стѣнки вагоновъ. Этотъ поѣздъ долго стоялъ на запасныхъ московскихъ путяхъ и наглядно показывалъ, сколько огня было направлено въ него. Онъ благополучно прибылъ въ Перово, а затѣмъ всѣ дружинники разсыпались, возвратившись на баррикады въ Москву.

Этими данными я хочу подтвердить еще разъ передъ читателями ту мысль, что главные виновники, забравшіе въ свои руки Московско-Казанскую ж. дор., совершенно исчезли и не попали въ руки карательнаго отряда; отсюда понятно, какая досада должна была овладѣть руководителями карательнаго отряда, которые упустили, благодаря своей несообразительности, всю боевую главную дружину Московско-Казанской желѣзной дороги. Они начали мстить въ раздраженіи всѣмъ тѣмъ, кто подвернулся имъ подъ руку, не справляясь объ ихъ виновности, о степени участія въ боевой дружинѣ.

Никто изъ оставшихся на мѣстахъ на станціяхъ не ѣздилъ въ качествѣ дружинниковъ въ этомъ поѣздѣ; въ немъ была главнымъ образомъ московская дружина, подкрѣпленная 27-ю матросами и нѣсколькими солдатами съ Дальняго Востока, всего было около 100 человѣкъ.

Карательнымъ отрядомъ убито зарегистрированныхъ 68 чел., а именно: въ Сортировочной 8 чел., въ Перовѣ 16, въ Люберцахъ 14, въ Ашитковѣ 3, въ Голутвинѣ 27. Всего 68. Кромѣ того убито въ Перовѣ незарегистрированныхъ 57 человѣкъ и въ Сортировочной 25 Итого 82 человѣка. Всего же 150 человѣкъ.

Изъ нихъ убито 2 человѣка, принимавшихъ участіе въ вооруженномъ возстаніи, машинистъ Ухтомскій и техникъ Алферовъ; 3 человѣка, способствовавшіе московскимъ дружинникамъ, т. е. вооруженному возстанію: а именно пом. нач. стан. Люберцы Смирновъ, дачникъ Михельсонъ и крестьянинъ Киселевъ. Затѣмъ разныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ желѣзнодорожному союзу и къ мѣстной дружинѣ, организованной исключительно для самозащиты противъ развившагося мѣстнаго хулиганства, 16 человѣкъ. Всѣ остальныя лица убиты невинно, числомъ 129 человѣкъ.

Полковникъ Риманъ, оставивъ часть отряда въ Перовѣ подъ командой капитана Зыкова, 16 декабря вечеромъ отправился ночевать на станцію Косино и всю

ночь производилъ обыскъ въ деревнѣ Жулебинѣ, расположенной недалеко отъ станціи; искали людей по какимъ-то спискамъ. На утро поѣздъ съ солдатами продвинулся впередъ и остановился у платформы Подосинки. Во главѣ съ Риманомъ солдаты направились къ дачѣ Михельсона, гдѣ онъ жилъ вдвоемъ съ женой и кухаркой.

Всѣ въ домѣ еще спали, и никто изъ нихъ не зналъ о предстоящемъ визитѣ. Въ эту ночь у него находились 2 дружинника съ револьверами, для охраны его дачи отъ грабежа мѣстныхъ хулигановъ. Обыкновенно каждую ночь къ нему приходило нѣсколько человѣкъ дружинниковъ.

При обыскѣ у него нашли два офицерскихъ револьвера, отобранныхъ имъ при разоруженіи манчжурскихъ войскъ, потомъ прокламаціи и какіе-то списки. Имъ приказали скорѣе одѣваться и выходить на улицу. Они не предполагали, для чего ихъ требуютъ, были увѣрены, что ведутъ на допросъ. Михельсонъ одѣлся въ лучшую пару и вмѣстѣ съ солдатами вышелъ въ переулокъ, окаймленный лѣскомъ. Какъ только всѣ трое оказались у края лѣса, солдаты почти въ упоръ выстрѣлили въ нихъ, и они упали мертвые. Оба дружинника были совсѣмъ мальчики, одинъ изъ нихъ не старше 16-ти лѣтъ. Почему-то лицо одного было искажено страшными муками и залито кровью.

Жена и кухарка въ это время были на дачѣ.

Услышавъ выстрѣлы и понявъ въ чемъ дѣло, жена

выждала, когда уйдутъ солдаты, посмотрѣла на трупъ своего мужа, одѣлась и ушла куда-то. Кухарка оставалась до глубокаго вечера сторожить трупы, но къ ночи не выдержала ужаснаго состоянія, переживаемаго ею, заперла дачу и тоже ушла—неизвѣстно куда.

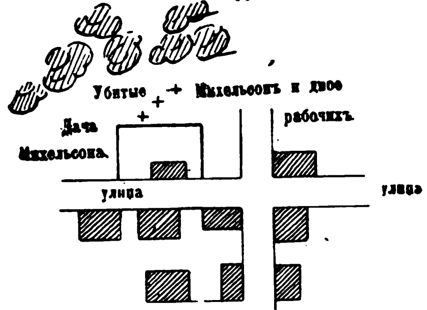
Эти три трупа остались лежать недѣлю на мѣстѣ казни, какъ нѣмые свидѣтели кровавой расправы. Птицы повыклевали имъ глаза, и собаки поживились ихъ мясомъ. Только черезъ недѣлю крестьяне деревни Жулебина выкопали имъ общую могилу и похоронили ихъ вмѣстѣ.

Мѣстные жители говорили про Михельсона, что онъ былъ хорошимъ ораторомъ, крестьяне любили его слушать и хорошо понимали ясную, толковую рѣчь. Благодаря ему была ослаблена вражда, существовавшая между крестьянствомъ и мѣстнымъ фабричнымъ элементомъ, постоянно враждовавшими между собою.

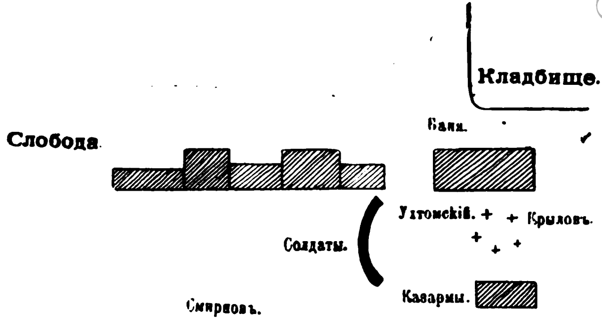
Эти трупы, пролежавшіе съ недѣлю на краю дороги напоказъ всѣмъ проходящимъ, вселяли ужасъ въ мѣстномъ населеніи. Всѣ боялись проходить мимо этого злополучнаго мѣста и старались обходить его окольными путями.

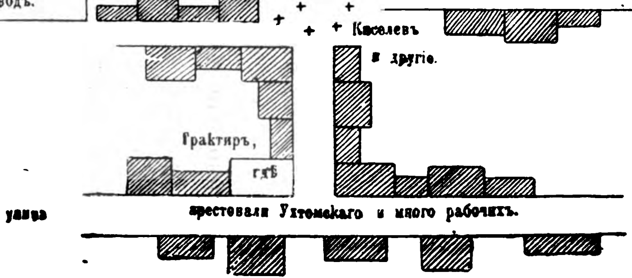
Съ какой цѣлью было это сдѣлано—неизвѣстно. Можетъ быть, съ цѣлью устрашенія всего населенія...

Планъ станціи Подосинокъ, гдѣ убитъ дачникъ Михельсонъ и двое дружинниковъ.

Планъ станціи Люберцы, съ показаніемъ мѣста гдѣ арестовали и разстрѣляли машиниста Ухтомскаго.

Произведя еще нѣсколько обысковъ въ другихъ домахъ близъ платформы Подосинки, отрядъ двинулся дальше къ Люберцамъ. Его дѣйствія на Люберецкомъ тормозномъ заводѣ мною описаны были въ одной изъ замѣтокъ.

Событія же на станціи и въ окрестностяхъ развивались съ большой быстротой слѣдующимъ образомъ. Солдаты, остановивъ поѣздъ за полторы версты, группами по 5—6 человѣкъ, стали подходить съ разныхъ сторонъ къ станціи. Когда шла первая группа, повстрѣчались имъ 3 заводскихъ слесаря, изъ которыхъ одинъ, Казаковъ, несъ подмышкой въ слесарную для починки сломанный револьверъ. Солдаты ихъ остановили и велѣли поднять руки кверху; когда Казаковъ исполнилъ приказаніе, револьверъ выскользнулъ изъ подмышки и... упалъ на снѣгъ. Тогда близъ стоящій солдатъ съ размаху ударилъ Казакова штыкомъ, и тотъ упалъ въ моментъ, когда остальные выстрѣлили въ него. Пули просвистали мимо, а Казаковъ вскочилъ на ноги и давай Богъ ноги—на утекъ. По немъ было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ, но онъ успѣлъ забѣжать за домъ и укрыться въ одной частной квартирѣ, гдѣ ему сдѣлали перевязку. Одна изъ пуль попала ему въ руку и раздробила кость, такъ что Казакову пришлось лечь въ больницу въ Красковѣ, гдѣ ему отрѣзали руку. Остальные же двое его пріятелей разбѣжались въ разныя стороны и остались цѣлы.

Придя на станцію, солдаты никого тамъ не встрѣтили; но черезъ нѣсколько минутъ пришелъ пом. нач.

ст. Смирновъ и спросилъ ихъ: зачѣмъ они пріѣхали сюда и какого полка.

Въ свою очередь, тѣ тоже его спросили: кто онъ таковъ?

— Я—Смирновъ!—отвѣтилъ пом. нач. станціи.

— Васъ-то намъ и нужно!—сказали солдаты и арестовали его, посадивъ въ контору станціи. Когда при-

† П. Ф. Смирновъ, Пом. Началь. станціи Люберцы.

шелъ полковникъ Риманъ, онъ объявилъ Смирнову, что черезъ нѣкоторое время его разстрѣляютъ, уговаривалъ его назвать своихъ товарищей и тѣхъ лицъ которыя ѣздили съ поѣздомъ, уѣхавшимъ въ Фаустово, и указать, гдѣ они теперь скрываются.

Его арестовали въ серединѣ дня и только на слѣдующее утро, часовъ около восьми, привели казнь въ исполненіе. Все время онъ томился въ ожиданіи смерти въ самой конторѣ; всю ночь писалъ прощальныя письма къ своимъ родителямъ, знакомымъ и страшно нервничалъ. Подъ утро онъ уже не могъ переносить дальше этихъ мукъ ожиданія смерти и обратился къ офицеру съ просьбой—убить его сейчасъ же, на мѣстѣ. Тогда его вывели на платформу, къ водокачкѣ, и Риманъ самъ выстрѣлилъ ему въ упоръ въ лицо; пуля попала въ шею, его лицо исказилось въ страшныхъ мукахъ, но онъ все-таки оставался стоять на мѣстѣ; второй выстрѣлъ револьвера пришелся вскользь затылочной части, не убивъ его; и только третьимъ выстрѣломъ въ високъ были прекращены его страданія: онъ упалъ въ снѣгъ...

Почему его продержали всю ночь подъ страхомъ смертной казни и только на утро убили — не знаю. Нѣкоторыя изъ его писемъ дошли до мѣста назначенія. Передъ смертью его не исповѣдали.

Въ то время, когда Смирновъ сидѣлъ подъ конвоемъ въ конторѣ станціи, другая часть солдатъ производила обыски въ селеніи Люберцы — искала по списку людей. Недалеко отъ станціи на углу есть трактиръ, въ которомъ былъ арестованъ машинистъ Ухтомскій, тамъ же арестовали еще многихъ рабочихъ Люберецкаго завода, которые, не предполагая ничего страшнаго, пошли туда чайку попить.

На квартирѣ при обыскѣ у крестьянина Киселева нашли револьверъ, и онъ началъ оправдываться. Офицеръ приказалъ ему молчать, но онъ не слушался, и послѣ трехкратнаго повторенія приказалъ его разстрѣлять на дворѣ станціи около 10 час. утра.

Послѣ убійства Смирнова, вмѣстѣ съ нимъ были убиты еще четыре рабочихъ, забранныхъ ночью во время обысковъ. Ихъ продержали на станціи до разстрѣла.

Послѣ 10 час. утра аресты все продолжались, и было приведено на станцію еще до 40 человѣкъ рабочихъ и крестьянъ; въ числѣ ихъ находился забранный и Ухтомскій. Они всѣ готовились къ смерти, такъ какъ были увѣрены, что ихъ убьютъ. Они знали теперь, что если привели кого-нибудь на станцію, того ожидаетъ смерть. Свидѣтельствомъ тому служила смерть Киселева съ 4-мя товарищами и передъ этимъ смерть Смирнова.

Когда къ двумъ часамъ дня явился Риманъ, чтобы привести казнь въ исполненіе, онъ началъ по списку выкрикивать фамиліи; оказалось на лицо только 5 человѣкъ, изъ нихъ рабочій Крыловъ, машинистъ Ухтомскій и еще трое, фамиліи не установлены мною. Остальнымъ же лицамъ Риманъ предложилъ присягнуть и поклясться передъ иконой, что никогда въ жизни не будутъ участвовать, или способствовать какимъ бы то ни было забастовкамъ и во всемъ подчиняться своему начальству. Тѣмъ же, кто не захочетъ присягнуть, онъ угрожалъ смертной казнью.

Конечно, всѣ присягнули, даже скорѣе спѣшили присягнуть, чтобы уйти и избавиться отъ грознаго призрака кровавой расправы. Какую силу только имѣетъ эта присяга, вынужденная угрозой штыковъ, вѣрилъ ли въ силу и значеніе ея самъ Риманъ?..

Остальнымъ пятерымъ предложили исповѣдаться, что нѣкоторые и исполнили.

Потомъ въ четвертомъ часу дня ихъ повели вдоль платформы вправо, на глазахъ публики, смотрѣвшей изъ оконъ; пересѣкли путь, вышли на Слободскую улицу; въ концѣ этой улицы около бани Масляникова ихъ поставили спиной къ солдатамъ, лицомъ къ лѣсу, кромѣ Ухтомскаго, который смотрѣлъ по направленію къ слободкѣ.

Послѣ двухъ залповъ всѣ были мертвы.

Смерть Ухтомскаго описана ниже.

Убитыхъ похоронили въ общей братской могилѣ на Люберецкомъ кладбищѣ.

Хоронилъ мѣстный священникъ, были допущены родственники и близкіе люди. Говорятъ, что у нѣкоторыхъ лица сильно искажены.

Въ то время, какъ полковникъ Риманъ возвращался послѣ разстрѣла на станцію, попалась какая-то женщина и горько плакала. Обращаясь къ полковнику, она завывающимъ голосомъ причитала:

— За что убили-то мово? Что онъ такое сдѣлалъ? Вѣдь, вотъ, такой же его товарищъ, вмѣстѣ всюду шлялся, пріятель-то его, Фунтовъ,—живъ остался! А мово-то

убили? Гдѣ же справедливость?!—и вновь залилась горькими слезами.

Риманъ спросилъ, который Фунтовъ. «А вонъ, —батюшка! Фунтовъ—слесарь заводскій»—и указала на молодого парня, находившагося недалеко отъ мѣста казни.

Риманъ приказалъ его арестовать и посадить съ собою въ поѣздъ...

Послѣ совершенной казни послали за священникомъ и отслужили благодарственный молебенъ объ избавленіи мѣстности отъ крамольниковъ.

Затѣмъ полковникъ Риманъ, сдавъ станцію на попеченіе капитана Мейера, съ частью отряда уѣхалъ дальше по направленію къ Голутвину. На 36-й верстѣ трупъ Фунтова съ прострѣленной головой былъ выброшенъ съ поѣзда и найденъ на линіи.

Представляю дополнительный списокъ убитыхъ въ Голутвинѣ, не вошедшихъ въ предыдущіе списки.

1. Шелагановъ, рабочій Коломенскаго завода.
2. Сидоровъ—тоже.
3. Федотовъ—тоже.
4. Котовъ—тоже.

О дѣйствіяхъ Семеновскаго отряда на станціи Люберцы теперь необходимо сдѣлать дополненіе относительно тѣхъ событій, которыя предшествовали пріѣзду солдатъ.

Въ Люберцахъ еще задолго до декабрьскихъ событій былъ организованъ среди рабочихъ люберцовскаго тор-

мазнаго завода профессіональный союзъ, главной задачей котораго было объединеніе всѣхъ трудящихся завода для завоеванія себѣ экономическихъ улучшеній труда и быта. Когда же наступило 7-е декабря, день объявленія всеобщей политической забастовки, то профессіональный союзъ принялъ общій политическій минимумъ и рѣшилъ поддержать забастовку.

Еще двумя недѣлями раньше до этого времени въ Люберцахъ образовался изъ крайнихъ элементовъ профессіональнаго союза и нѣкоторой части служащихъ на желѣзной дорогѣ комитетъ станціи Люберцы всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза.

Цѣль этого комитета была такова же, что и комитета всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза; это было ни болѣе, ни менѣе, какъ его филіальное отдѣленіе въ Люберцахъ.

Когда въ зданіи Фидлера происходило засѣданіе желѣзнодорожнаго союза, то на немъ было постановлено прекратить всякое движеніе поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ и пропускать лишь одни поѣзда санитарные съ Дальняго Востока и поѣзда съ войны съ запасными чинами.

Такъ было и сдѣлано. Пассажирскіе поѣзда совершенно прекратили свое движеніе, а воинскіе и санитарные благополучно доходили до Москвы. Но тутъ было обращено вниманіе комитета желѣзнодорожнаго союза, что прибывающія въ Москву войска сейчасъ же становятся на сторону правительства и своими

силами способствують кровавому подавленію начавшагося забастовочнаго движенія. Поэтому получалось, что комитетъ своимъ постановленіемъ какъ бы способствовалъ тѣмъ самымъ противнику побить себя, подвозя къ нему активную силу.

Тогда было рѣшено при помощи люберцевскаго комитета разоружить войска, направляющіяся въ Москву.

Для этой цѣли останавливали въ Люберцахъ каждый поѣздъ, входили дружинники въ количествѣ 10—15 человѣкъ и обращались къ старшему офицеру съ предложеніемъ сдать свое оружіе, а также и оружіе солдатъ. Въ противномъ случаѣ грозили отцѣпить паровозъ и поѣзда дальше не пропускать. Примѣненіе какихъ-либо угрозъ, направленныхъ противъ личности, не происходило.

Желаніе солдатъ возвратиться скорѣе къ себѣ домой было настолько велико, а каждое промедленіе въ пути вызвало злобу и раздраженіе, что въ большинствѣ случаевъ весь поѣздъ безпрекословно отдавалъ свое оружіе и послѣ этого благополучно достигалъ Москвы. Нужно сказать, что въ поѣздѣ бывало очень мало оружія; казеннаго оружія солдаты при себѣ не имѣли; своего же, подобраннаго на полѣ военныхъ дѣйствій, было сравнительно немного.

Конечно, происходили случаи, что офицеры отказывались и ни въ какомъ случаѣ не хотѣли подчиняться предложенію сдать оружіе.

Тогда обыкновенно солдаты начинали уговаривать офицеровъ не задерживать изъ-за этого поѣздъ, и много разъ удавалось имъ склонить на это рѣшеніе офицеровъ.

Происходили и такіе случаи: однажды въ Люберцахъ остановился санитарный поѣздъ. Потребовали сдать оружіе. Всѣ сдали, дружинники спросили офицера, все ли они сдали и нѣтъ ли еще чего-нибудь въ вещахъ. Офицеръ далъ слово, что въ поѣздѣ больше ничего нѣтъ, и потому вещей не обыскивали. Одинъ же солдатикъ отвелъ въ сторону дружинника и сказалъ ему: «Совралъ онъ, полный цейхгаузъ оружія!»— Тогда комитетъ потребовалъ отпереть цейхгаузъ, и не смотря на сильные протесты коменданта поѣзда цейхгаузъ былъ открытъ, и тамъ нашли много патроновъ и ружей.

Въ противоположность разсказанному, произошелъ однажды такой случай. Въ одномъ солдатскомъ вагонѣ ѣхали 2 офицера. Послѣ предложенія сдать оружіе офицеры отвѣтили, что у нихъ нѣтъ его. Дружинники удивились этому и не вѣрили, какъ это могло случиться, чтобъ у офицеровъ не было хотя бы револьвера, и рѣшили ихъ сейчасъ же обыскать.

Тогда солдаты обратились къ дружинникамъ со слѣдующими словами: «Господа, мы просимъ васъ не обыскивать нашихъ офицеровъ и даемъ слово, что у нихъ нѣтъ оружія. Это наши любимые офицеры, они ѣдутъ съ нами въ одномъ вагонѣ, и если вы не по-

вѣрите нашему заявленію и станете обыскивать, то этимъ оскорбите насъ». Обыска не было.

Нѣкоторые же поѣзда дружинники морили на станціи по многу часовъ, пока тѣ не соглашались сдать оружіе. Насилій же надъ личностью въ видѣ угрозъ, смерти или избіенія не происходило.

Наоборотъ дружинникамъ приходилось бороться съ мѣстнымъ хулиганствомъ. Въ поѣздъ проникали любители чужой собственности и подъ видомъ дружинниковъ воровали чужія вещи и выпрашивали деньги. Тогда дружинникамъ пришлось принять слѣдующія мѣры: къ каждому вагону къ площадкѣ приставляли по одному дружиннику, который никого постороннихъ не впускалъ въ поѣздъ. Во время обходовъ поѣздовъ много находилось пассажировъ, ѣхавшихъ въ поѣздѣ въ силу какой-нибудь необходимости, не имѣя никакого отношенія къ воинскому поѣзду. Тогда дружинники ихъ ссаживали на станціи Люберцы.

Разоруженія запасныхъ происходили все время до появленія семеновскихъ солдатъ, а затѣмъ всѣ участники этого комитета, всѣ главари и руководители разсыпались и скрылись, о чемъ разскажу ниже; только немногіе изъ нихъ попали въ руки солдатъ и разстрѣляны ими.

Въ то время, когда комитетъ станціи занимался разоруженіемъ солдатъ и отправкой отобраннаго оружія въ Москву, другая часть дружины воевала на барикадахъ около Рязанскаго вокзала и у калитки, гдѣ есть выходъ съ полотна на улицу.

У калитки сраженія происходили большею частью по ночамъ до самаго разсвѣта.

А затѣмъ боевая дружина садилась въ поѣздъ и уѣзжала на отдыхъ и на спанье въ Люберцы или же въ Перово, гдѣ и оставалась въ вагонахъ. На другой вечеръ, подкрѣпившись сномъ и отдыхомъ, вновь пріѣзжала въ Москву.

14 декабря дружинники, какъ обыкновенно, прибыли въ Люберцы на отдыхъ; вдругъ узнаютъ они, что пріѣхали изъ Москвы на коняхъ казаки и остановились въ Люберцахъ. Тогда сейчасъ же со всѣмъ поѣздомъ они укатили въ Фаустово и тамъ оставались нѣкоторое время. Казаки же пробыли въ Люберцахъ нѣсколько часовъ, а затѣмъ уѣхали въ Москву.

Убитый потомъ нач. ст. Смирновъ поѣхалъ на одномъ паровозѣ къ Фаустову догонять поѣздъ дружинниковъ, чтобы сообщить имъ о возвращеніи въ Москву казаковъ и о томъ, чтобы немедленно ѣхали къ Москвѣ, такъ какъ станцію Москва занимаютъ семеновскіе солдаты.

Тогда дружинники возвратились съ тѣмъ же поѣздомъ въ Москву; ихъ паровозомъ управлялъ очень опытный машинистъ и членъ комитета, нынѣ находящійся за-границей. Когда поѣздъ проѣхалъ Сортировочную, одной версты не доходя до станціи Москва, около зданія женской Покровской общины ихъ встрѣтили пулеметы, поставленные на товарныя платформы. Поѣздъ съ дружинниками шелъ полнымъ ходомъ, но

когда раздалась пальба по поѣзду изъ пулеметовъ, машинистъ далъ контръ-паръ, одну минуту поѣздъ пріостановился, а затѣмъ сталъ уходить заднимъ ходомъ, развивая все большую и большую скорость. Въ этомъ поѣздѣ былъ убитъ 1 дружинникъ и нѣсколько человѣкъ ранено, нѣкоторые были тяжело ранены.

Уѣхавъ по направленію къ Перово, всѣ дружинники разсыпались, главари скрылись, частью возвратились въ Москву. Станція Москва 15 декабря была занята семеновскими солдатами, и съ этого числа началось ихъ карательное движеніе по линіи Московско-Казанской ж. дороги, выразившееся въ рядѣ самочинствъ, но не въ отысканіи дѣйствительно виновныхъ и преданіи ихъ законному суду.

Приведу свидѣтельскія показанія одного изъ мѣстныхъ жителей, забраннаго въ селеніи Люберцы и отправленнаго на станцію на 3-й день послѣ пріѣзда отряда. Его спасло отъ смерти лишь то обстоятельство, что въ этотъ день Риманъ былъ въ отсутствіи,— онъ разстрѣливалъ въ Голутвинѣ. Въ день пріѣзда солдатъ на квартирѣ свидѣтеля П. былъ произведенъ при участіи Римана самый тщательный обыскъ. Ничего не нашли и оставили г. П. въ покоѣ.

На 3-й день вновь явились солдаты, арестовали его и отправили на станцію, гдѣ и заперли въ отдѣльной комнатѣ, поставили часового у дверей, а сами ушли

въ деревню Часовню, гдѣ, по ихъ предположенію, скрывались члены люберцевскаго комитета.

Возвратившись черезъ нѣсколько времени изъ деревни Часовни, они притащили съ собой одну старушку, обвиняемую въ томъ, что она скрывала этихъ лицъ. Ее посадили въ ту же комнату, а свидѣтеля П. подвергли допросу; его обвиняли въ томъ, что онъ будто бы агитировалъ среди крестьянъ на почвѣ аграрныхъ безпорядковъ. Тотъ отвѣтилъ, что совершенно незнакомъ съ крестьянскимъ вопросомъ и потому на этой почвѣ не могъ работать, что онъ состоялъ только членомъ всероссійскаго желѣз.-дор. союза.

Въ обращеніи съ нимъ офицеры были очень рѣзки, допросъ велъ капитанъ Мейеръ, которому была сдана станція.

Мейеръ ему отвѣтилъ: «Ваша виновность для насъ доказана. Мы даемъ вамъ полчаса времени, послѣ чего вы будете разстрѣляны, если не выдадите всѣхъ главарей и участниковъ комитета». Послѣ этого онъ ушелъ и послалъ за женой свидѣтеля П., чтобы она простилась съ нимъ передъ смертью или уговорила его выдать всѣхъ участниковъ комитета.

Что происходило въ этой комнатѣ за полчаса времени свиданія жены съ приговореннымъ къ смертной казни мужемъ, предоставляю читателю судить самому.

Черезъ полчаса явился Мейеръ за отвѣтомъ. Свидѣтель П. подтвердилъ, что онъ только членъ всероссійскаго желѣзно-дорожнаго союза, какъ служащій

на желѣзной дорогѣ, но къ крестьянскому союзу никакого отношенія не имѣетъ и съ крестьянскимъ вопросомъ совершенно незнакомъ. Тогда ему предложили изложить программу этого союза, указать, какія цѣли онъ преслѣдуетъ и какіе примѣняетъ способы борьбы для достиженія цѣли.

Свидѣтель П. указалъ политическій минимумъ этого союза.

Затѣмъ ему было предложено назвать всѣхъ партійныхъ работниковъ союза. Онъ назвалъ первымъ себя, а про остальныхъ указалъ получить справку у мѣстнаго жандарма.

Капитанъ Мейеръ почему-то особенно доискивался, что Бѣдновъ и Воробьевъ не состоятъ ли въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и кто ѣздилъ въ числѣ дружинниковъ до Фаустово, при описанномъ мною выше случаѣ.

На это свидѣтель П. не могъ дать никакого отвѣта.

Послѣ этого допроса капитанъ Мейеръ заявилъ ему, что оставляетъ его въ живыхъ, но арестуетъ.

Господинъ П. хорошо зналъ, что такое быть арестованнымъ семеновскимъ отрядомъ; это значило быть подвергнутымъ многимъ тяжелымъ часамъ терзаній, висѣть между жизнью и смертью, каждую секунду ожидать, что вотъ-вотъ отворится дверь и его лишатъ жизни. Поэтому онъ обратился къ капитану Мейеру съ просьбой: или его разстрѣлять немедленно, или же отпустить на свободу; онъ призывалъ его быть чело-

вѣколюбивымъ, не заставлять страдать долгія минуты въ ожиданіи ежеминутной смерти.

Капитанъ Мейеръ, посовѣтовавшись съ мѣстнымъ урядникомъ и будучи очевидно инымъ, чѣмъ его начальникъ Риманъ, отпустилъ свидѣтеля П. на свободу.

Собирая свѣдѣнія о дѣятельности отряда Семеновскаго полка на станціяхъ Московско-Казанской жел.

Ухтомскій.

дор., мнѣ пришлось слышать отъ многихъ свидѣтелей разсказы о машинистѣ Ухтомскомъ, который геройски держалъ себя въ послѣднюю минуту своей жизни. Многія свѣдѣнія о немъ почерпнуты изъ разсказа капитана Семеновскаго полка, который въ Люберцахъ

самъ разстрѣливалъ его вмѣстѣ съ тремя рабочими и наблюдалъ его послѣднія минуты.

Капитанъ былъ очарованъ этой личностью; солдаты съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли, какъ умѣютъ умирать мужественные люди. Они любовались имъ и свои чувства къ нему проявили въ томъ, что послѣ перваго залпа онъ остался цѣлъ и невредимъ. Ни одна пуля не коснулась его.

Это обстоятельство можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что въ моментъ казни однородныя чувства переживались всѣми.

По внѣшности онъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманіе. Небольшого роста, съ живыми умными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень скромнаго, даже застѣнчиваго человѣка.

Совершенно случайно, проѣзжая на лошадяхъ черезъ Люберцы, Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о пребываніи солдатъ на станціи. Когда его обыскали тамъ, нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили къ офицеру на станцію.

На допросѣ онъ не говорилъ своей фамиліи.

Офицеръ, просматривая списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, и фотографическія карточки, сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ:

—Вы машинистъ Ухтомскій, вы будете разстрѣляны!— Я такъ и думалъ!—хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій.

Это происходило днемъ, около 3 часовъ. Ему пред-

ложили, не желаетъ ли онъ исповѣдаться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

Послѣ исповѣди его вмѣстѣ съ тремя рабочими люберецкаго тормознаго завода повели къ разстрѣлу.

Онъ обратился къ офицеру и сказалъ:

— «Я зналъ, что если попадусь въ ваши руки, вы разстрѣляете меня, поэтому я такъ спокойно чувствую себя, такъ какъ былъ ежеминутно готовъ къ смерти. Теперь, передъ смертью, я скажу вамъ, кому вы обязаны, что поѣздъ съ дружинниками благополучно ушелъ изъ Москвы, спасая главныхъ участниковъ и главарей боевой дружины и членовъ стачечнаго комитета.

«Когда всѣ дороги въ Москвѣ были захвачены войсками, я вывезъ дружину, несмотря на то, что около сортировочной станціи, на огородахъ, вы угрожали мнѣ пулеметами.

«Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, на большой кривой и совершенно открытой мѣстности, удобной для обстрѣла пулеметами, я развилъ скорость поѣзда до 70 верстъ въ часъ. Я самъ управлялъ паровозомъ.

«Давленіе пара въ котлѣ я довелъ до 15 атмосферъ, до предѣла взрыва котла. Намъ грозила опасность не отъ пулеметовъ, а отъ возможности взлетѣть на воздухъ.

«Чтобы развить такую скорость, пришлось идти при усиленной работѣ сифона.

«И вотъ, когда нашъ поѣздъ стремглавъ летѣлъ впередъ, стрекотали ваши пулеметы. Они не были для насъ опасны, потому что сильнѣе намъ грозили взрывъ

котла и возможность слетѣть внизъ головой съ насыпи.

«Но тутъ помогла опытная рука машиниста, управлявшая паромъ и вмѣстѣ судьбою преслѣдуемыхъ вами людей. Вы ранили тогда 6 человѣкъ, но ни одного не убили. Всѣ спаслись и находятся далеко... Вамъ не достать ихъ!»...

На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза; онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ.

Его случайные товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнью была ужасна!

Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовленія, потомъ обратился къ солдатамъ: «Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ же, какъ и я исполнялъ честно долгъ передъ своей присягой; но наши присяги разныя... Капитанъ, командуйте»!..

Раздался залпъ... Рабочіе упали.

Ухтомскій остался недвижимъ со скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла.

Раздался второй залпъ—и онъ упалъ на снѣгъ!.. Онъ былъ живъ... въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотрѣлъ на окружающее.

Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосерднымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученья выстрѣломъ въ голову.

ГЛАВА V.

Въ Голутвинѣ.

I.

Я посѣтилъ городъ Коломну, станцію Голутвино, селеніе Боброво и одинъ изъ мѣстныхъ заводовъ.

Мнѣ удалось собрать интересныя дополнительныя свѣдѣнія, которыя еще болѣе освѣщаютъ дѣйствія отряда Семен. полка и подтверждаютъ мысль, что весь произволъ офицеровъ былъ направленъ противъ людей большею частью совершенно невинныхъ, не принимавшихъ никакого участія въ комитетахъ, въ революціонныхъ собраніяхъ, митингахъ.

Совершенно неправильно утверждаетъ г. Столыпинъ въ «Новомъ Времени» отъ 19 января, что «забастовочный комитетъ изъ 36 лицъ, въ связи съ московскимъ вооруженнымъ возстаніемъ руководившій желѣзнодорожной забастовкой, послѣдній періодъ возстаній (а можетъ быть все время), перенесъ свою дѣятельность въ Голутвино и оттуда руководилъ всероссійской желѣзнодорожной забастовкой».

Таковой комитетъ существовалъ, но только не изъ тѣхъ 36 лицъ, которыя, по словамъ г. Столыпина, были за это разстрѣляны, раздѣленныя на двѣ партіи. Затѣмъ комитетъ свое главное пребываніе имѣлъ въ Москвѣ, а отдѣленія находились въ Люберцахъ и Перовѣ; въ Голутвинѣ же никакого комитета не было.

Затѣмъ, по провѣреннымъ мною даннымъ, разстрѣляно гораздо болѣе 36 человѣкъ, а именно: 27 въ Голутвинѣ, 14—въ Люберцахъ, 3—на станціи Ашитково, и 20 человѣкъ на станціи Перово; такимъ образомъ всего разстрѣлянныхъ 64 человѣка.

Главари и главные участники комитета не пойманы и не разстрѣляны. Этому служитъ доказательствомъ рѣчь, сказанная полковникомъ Риманомъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Люберецъ къ мѣстнымъ крестьянамъ:

— «Я посланъ Царемъ возстановить спокойствіе и порядокъ. Но не всѣ главари пойманы; многіе убѣжали и скрылись. Царь надѣется на васъ, что вы сами будете слѣдить за порядкомъ и не дадите вновь овладѣть собою кучкѣ революціонеровъ.

«Если ораторы вернутся, убивайте ихъ, убивайте, чѣмъ попало—топоромъ, дубиной. Вы не отвѣтите за это. Если сами не сладите, извѣстите семеновцевъ; мы снова пріѣдемъ»!

Изъ этой рѣчи видно, что не только комитетъ не разстрѣлянъ, но что даже почитается возможнымъ его возвращеніе.

Совершенно невѣрно сообщеніе г. Столыпина, что мимо Голутвина промчался по направленію къ Москвѣ поѣздъ съ дружинниками, что по сосѣдней колеѣ догонялъ его со скоростью въ 120 верстъ въ часъ поѣздъ съ семеновскими солдатами; что будто въ окнахъ этого вагона были выставлены пулеметы, изъ которыхъ громили поѣздъ съ мятежниками, какъ только головной вагонъ съ ними поравнялся; что будто было убито 80 человѣкъ въ этомъ поѣздѣ.

Все это вымыселъ.

Достовѣрно лишь то, что, послѣ кровавыхъ дѣлъ въ Голутвинѣ, подъѣхалъ къ станціи военный поѣздъ съ солдатами, возвращавшимися изъ Манчжуріи. Когда солдаты узнали о пролитой крови, они начали кричать семеновцамъ укоры. Возбужденіе росло. На платформу вышелъ Риманъ и грозно крикнулъ: «Что такое? По мѣстамъ»!..

На это раздались новыя ругательства, насмѣшки и свистки.

Тогда Риманъ скомандовалъ: «Пулеметы сюда»!

Офицеръ, сопровождавшій воинскій поѣздъ, зная отсутствіе дисциплины въ манчжурскихъ войскахъ, и въ то же время видя суровую расправу семеновцевъ, бросился скорѣе къ паровозу и приказалъ машинисту сейчасъ же уѣзжать со станціи. Паровозъ въ это время бралъ воду и машинистъ отказался ѣхать безъ воды, но подъ угрозой офицера тронулся въ путь, такимъ образомъ воинскій поѣздъ избѣгъ ужасной участи.

Никто его не догонялъ и въ поѣздѣ никто не былъ убитъ.

Затѣмъ была послана сейчасъ же телеграмма Риманомъ, чтобы не отправляли больше поѣздовъ на Москву; наготовѣ къ отправкѣ находился санитарный поѣздъ съ ранеными. Подъ угрозой быть разстрѣляннымъ онъ не двинулся со станціи.

Вотъ тѣ данныя, которыя опровергаютъ сообщеніе Столыпина и которыя являются наиболѣе достовѣрными, такъ какъ удалось собрать ихъ на мѣстѣ отчасти отъ очевидцевъ, а отчасти отъ лицъ, видѣвшихъ и бесѣдовавшихъ съ Риманомъ и другими офицерами.

Прилагаю списокъ лицъ, убитыхъ въ Люберцахъ. Всего убито 14 человѣкъ. Списокъ не полный (всего 8 человѣкъ). Списокъ остальныхъ обѣщали доставить позднѣе.

Убитые:

1) Лядинъ, рабочій американскаго завода, изготовляющаго тормоза.

2) Фунтовъ, рабочій того же завода.

3) Крыловъ, рабочій того же завода.

4) Носковъ, рабочій завода.

5) Дубинкинъ, рабочій завода.

6) Михельсонъ, владѣлецъ дачъ въ Люберцахъ, служилъ счетоводомъ на Моск.-Каз. ж. дорогѣ.

7) Ухтомскій, машинистъ московскаго депо.

8) Смирновъ, помощникъ начальника станціи.

Мною допрошены и записаны показанія 14 лицъ; всѣ записи сдѣланы стенографическимъ путемъ и представляютъ точный пересказъ показаній.

На основаніи такого обширнаго и богатаго матеріала удалось открыть ужасную картину, гдѣ иногда случайность, или раздраженіе офицера, или какое-нибудь насмѣшливое замѣчаніе задержанныхъ лицъ подвергали ихъ смерти, разстрѣлянію!

Раньше ходили слухи, что семеновцы разстрѣливали людей по Казанской желѣзной дорогѣ по какому-то списку, и даже называли—по списку московскаго охраннаго отдѣленія.

Если бы это было такъ, если бы семеновцы руководились только спискомъ, то въ Голутвинѣ не погибло бы столько случайныхъ, невинныхъ жертвъ. Этотъ списокъ, составленный однимъ изъ тѣхъ учрежденій, гдѣ царитъ только произволъ и усмотрѣніе, все-таки представилъ бы въ этомъ дѣлѣ гарантію жизни полуторамъ десяткамъ лицъ, невинно убитыхъ въ Голутвинѣ.

При опросахъ свидѣтели просили меня не называть печатно ихъ фамилій, чтобы не навлечь гнѣва со стороны властей и не подвергнуть ихъ новымъ непріятнымъ случайностямъ. Нужно замѣтить, что послѣ этихъ событій мѣстное общество сильно терроризировалось и собираніе свѣдѣній представляло большія трудности.

Во время моего пребыванія въ Голутвинѣ я встрѣтился тамъ съ московскимъ присяжнымъ повѣрен-

нымъ г. Л., командированнымъ по тому же дѣлу московскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ для привлеченія офицеровъ Семеновскаго полка къ судебной отвѣтственности за убійства и для взысканія съ нихъ убытковъ и обезпеченія въ пользу семей пострадавшихъ. Собранный имъ матеріалъ я провѣрилъ съ моими данными, дальнѣйшіе опросы свидѣтелей мы производили вмѣстѣ, такъ что точность излагаемаго, правильность собранныхъ фактовъ не подлежитъ сомнѣнію.

Сначала я изложу общую картину съ момента появленія семеновцевъ на станціи Голутвино и до отъѣзда ихъ, а затѣмъ приведу наиболѣе важныя, отдѣльныя показанія лицъ.

Семеновцевъ на станціи не ожидали.

Не ожидали даже какого-либо поѣзда, такъ какъ со станціи отправленія не было дано извѣщенія; поэтому пріѣздъ ихъ былъ для всѣхъ полной неожиданностью.

Поѣздъ, состоявшій изъ трехъ вагоновъ и одного паровоза, тихо подошелъ къ станціи во второмъ часу дня 18 декабря. Паровозомъ вмѣсто механика и кочегаровъ управляли солдаты желѣзно-дорожнаго батальона. Въ вагонахъ находился тотъ же батальонъ подъ командой поручика Костенко.

Когда поѣздъ подходилъ къ станціи, солдаты стали спрыгивать, не ожидая остановки, на тихомъ ходу съ площадокъ вагоновъ, заняли переѣздъ на Коломенскій заводъ, разсыпались по путямъ станціи, окружили все

запасные пути, станцію и близъ прилегающую дорогу.

Внутри окруженнаго пространства оказалось человѣкъ 300, которые были препровождены на станцію.

На платформѣ было много народа, но сразу всѣ отхлынули внутрь вокзала.

Затѣмъ вышелъ полковникъ Риманъ съ московскими жандармами, которые начали показывать всѣ двери и разсказывать, куда какая ведетъ, такъ что видно было, что они знали уже раньше расположеніе вокзала.

Ко всѣмъ ходамъ и выходамъ станціи были приставлены часовые; главный же выходъ на улицу былъ заколоченъ еще до пріѣзда семеновцевъ.

Дежурнымъ по станціи въ это время находился Тупицынъ. Его задержали въ дежурной комнатѣ, а дежурство сдали Климову. Тупицыну не позволили выходить изъ этой комнаты.

На станціи въ это время случайно находился начальникъ станціи Надежинъ: онъ пришелъ сюда за порошками, такъ какъ былъ совершенно боленъ и еще наканунѣ сдалъ станцію своему второму помощнику Никитину.

Послѣ ареста Тупицына, солдаты отвели его въ товарную контору, гдѣ находился полковникъ Риманъ и 5—6 офицеровъ. Одинъ изъ нихъ подвелъ Тупицына къ стѣнѣ, гдѣ была приклеена служебная телеграмма: «Станція Голутвино. Пропустить товарный поѣздъ». Подпись—«Стачечный комитетъ»,—и спросилъ: «Что это за депеша? Гдѣ у васъ стачечный комитетъ»?

Въ это время подошелъ начальникъ станціи Надежинъ и, сказавъ: «Вотъ еще депеши»!—вынулъ изъ кармана нѣсколько штукъ, полученныхъ имъ въ послѣдніе дни, кромѣ того снялъ еще цѣлую пачку такихъ же депешъ съ крючка и при этомъ объяснилъ:

† Надежинъ, Начальникъ станціи Голутвино.

«стачечнаго комитета въ Голутвинѣ нѣтъ и не было. Эти телеграммы разсылались со станціи отправленія, и когда намъ сообщали, что такой-то поѣздъ вышелъ, то мы принимали его и отправляли дальше. О происходящемъ мы сообщали своему начальству въ Москву, но оттуда отвѣта не имѣли. Также не получали изъ

Москвы никакихъ распоряженій или указаній отъ своего начальства. Вамъ можетъ подтвердить начальникъ депо, что комитета не было».

Въ это время какой-то офицеръ подошелъ къ Тупицыну и сказалъ: «Гдѣ комитетъ? Имѣйте въ виду, что если не скажете, гдѣ комитетъ, вамъ грозитъ разстрѣляніе!» Тупицынъ отвѣтилъ: «Никакого комитета у насъ не было, я его не знаю!»

Тутъ же подошелъ другой офицеръ маленькаго роста, брюнетъ, и рѣзко замѣтилъ: «Чего его спрашивать, его надо въ общую кучу!»

Но полковникъ Риманъ возразилъ: «Даю вамъ полчаса на размышленіе, послѣ чего вы будете разстрѣляны!»

Относительно этого офицера маленькаго роста, брюнета (фамилію его не удалось узнать), разсказываютъ, что онъ казался очень подозрительнымъ и что онъ не принадлежалъ къ офицерамъ Семеновскаго полка, хотя былъ одѣтъ въ такую же форму. Онъ сильно выдѣлялся своимъ маленькимъ ростомъ, манерой держать себя съ остальными офицерами; а одинъ свидѣтель, г. В., показалъ, что онъ его гдѣ-то раньше встрѣчалъ, но не припомнитъ гдѣ, что физіономія его очень знакома. Держалъ себя этотъ офицеръ рѣзко, вызывающе по отношенію къ обыскиваемымъ лицамъ. бранился. Въ то время, какъ Тупицынъ находился между жизнью и смертью и медлительно протекали данные на размышленіе полчаса, Риманъ прошелъ въ

дежурную комнату, куда солдаты привели къ нему машиниста голутвинскаго депо Варламова.

При обыскѣ у него нашли револьверъ со сломаннымъ куркомъ, и онъ не хотѣлъ отдавать его солдатамъ, говоря, что этотъ револьверъ стрѣлять не можетъ, что онъ несъ его въ депо для исправленія. Варламовъ никакъ не могъ понять нелогичности требованія солдатъ—отдать имъ сломанный револьверъ— и пререкался съ ними.

Когда его привели въ дежурную комнату къ полковнику Риману, свидѣтель В. слышалъ, какъ Варламовъ сказалъ:

— «Позвольте мнѣ объясниться, ваше высокородіе, я—желѣзнодорожный машинистъ Варламовъ»...

Полковникъ прервалъ: «Застрѣлить его!» и приказалъ вести его на кухонное крыльцо. Солдаты направились черезъ залъ III класса, сзади за ними послѣдовалъ Риманъ. Никто не вѣрилъ, что его разстрѣляютъ. Всего меньше вѣрилъ самъ Варламовъ и спокойно прошелъ черезъ толпу, наводнившую залъ. Но каковъ ужасъ овладѣлъ всѣми, когда съ того крыльца явственно донеслись два револьверныхъ выстрѣла.

Сомнѣнья не могло быть!

Риманъ, возвращаясь въ залъ съ револьверомъ въ рукахъ, натолкнулся у буфетнаго прилавка на запасного фельдфебеля 1-й роты Ильичева, только что возвратившагося изъ Манчжуріи. Что произошло тутъ, никто не могъ мнѣ съ достовѣрностью сказать; собы-

тіе совершилось слишкомъ быстро, внезапно... и трагично.

Одни утверждаютъ, что Ильичевъ не посторонился, другіе—что не отдалъ чести; нѣкоторые говорили, что Риманъ придрался къ его небрежному костюму, и въ отвѣтъ на какія-то слова Ильичева свидѣтель В. ясно слышалъ, какъ полковникъ крикнулъ:

— «Посмѣй только кто слово сказать—разстрѣляю!!.» и послѣ этого послѣдовали 4 револьверныхъ выстрѣла.

Первая пуля попала ему въ високъ, а остальныя въ затылочную часть, такъ какъ въ это время фельдфебель уже упалъ на полъ ничкомъ.

Раздалась команда: «Руки кверху»! и начался обыскъ.

Риманъ съ солдатами всталъ въ корридорѣ, отдѣляющемъ телеграфную комнату отъ чернаго холоднаго выхода. Въ этомъ корридорѣ имѣются только 2 двери (ниже приложенъ чертежъ станціи, сдѣланный отъ руки съ натуры). Дверь направо вела къ выходу на улицу. Черезъ эту дверь проходили всѣ тѣ, кто получалъ свободу.

Дверь налѣво вела въ телеграфную комнату, гдѣ ожидала несчастныхъ смерть. Никто изъ входящихъ сюда не предполагалъ, что его ждетъ черезъ полчаса смерть. Одинъ свидѣтель К., вошедшій въ смежную комнату съ телеграфомъ, видѣлъ черезъ окошко, куда подаются телеграммы, заключенныхъ тамъ 10—12 человѣкъ, которые беззаботно разговаривали между собою, шутили. Они предполагали, что ихъ скоро выпустятъ.

Въ этой же комнатѣ свидѣтель К. видѣлъ начальника станціи Надежина и помощника Шелухина.

Въ корридорѣ, гдѣ производился обыскъ, находились кромѣ Римана, московскіе, жандармы, мѣстный исправникъ, становой, два полицейскихъ надзирателя и мѣстные жандармы.

Когда обыскали г. Потапова, служащаго въ заводской лавкѣ, у него нашли въ комнатѣ переписанный его

† Шелухинъ, помощн. начальника станц. Голутвино.–

рукой манифестъ съ разными шуточными добавленіями.

Офицеръ показалъ бумагу Риману, и тотъ выхватилъ револьверъ, приставилъ его къ лицу и началъ кричать:

— Застрѣлю! дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а состоишь революціонеромъ!..

За него заступился приставъ 1-го стана Энгелейко, говоря:

— Я здѣсь служу 15 лѣтъ и знаю его за самаго хорошаго и спокойнаго человѣка. Неужели и такихъ разстрѣливать, тогда надо всѣхъ перестрѣлять!..

Другой офицеръ обратился къ Риману по-французски и что-то ему сказалъ.

Риманъ произнесъ нѣсколько мягче: «Я васъ разстрѣляю: вы всѣ говорите, что не виновны», отвелъ револьверъ, но все-таки въ сердцахъ три раза ударилъ по лицу, но не сильно, какъ показалъ свидѣтель П., хотя около носа потекла кровь. «Клянитесь, что вы не пойдете противъ царя»!—сказалъ Риманъ. Потаповъ отвѣтилъ, что можетъ со спокойной совѣстью поклясться, такъ какъ никогда не шелъ противъ царя и не думаетъ идти. Тогда Риманъ собственноручно на прощанье далъ ему въ шею одинъ разъ по направленію къ правой двери и отпустилъ съ миромъ.

Къ этому времени окончился срокъ, данный на размышленіе Тупицыну. Риманъ вошелъ въ товарную контору и спросилъ его: «Ну что же? надумали показать, гдѣ находится у васъ стачечный комитетъ?»

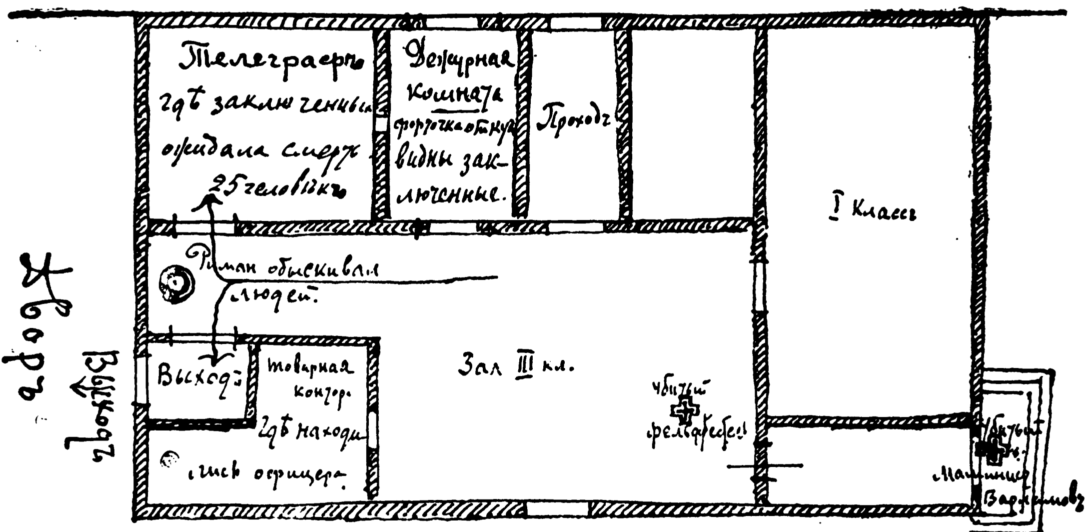
Тупицынъ еще разъ повторилъ свой прежній отвѣтъ, что таковаго нѣтъ и не было, и съ ужасомъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

Обмѣнявшись по-французски мнѣніемъ съ другими

офицерами, Риманъ разрѣшилъ ему пройти черезъ правую дверь, и онъ оказался на свободѣ.

Обыскъ подходилъ къ концу, на вокзалѣ оставалось уже мало народа. Въ числѣ прочихъ подошелъ для обыска помощникъ начальника станціи Шелухинъ, и ему указали дверь налѣво... При обыскѣ у него ничего не нашли.

Когда обыскали начальника станціи Надежина, то ему указали дверь направо, но предварительно взяли честное слово, что по первому требованію Римана онъ обязуется немедленно явиться. И дѣйствительно, черезъ часъ Надежина позвали обратно къ полковнику, отсюда ему была указана дверь налѣво.

† — Крестами обозначены мѣста, гдѣ собственноручно убитъ Римановъ—машинистъ Варламовъ и запасный фельдфебель Ильичевъ.

O — кружкомъ обозначено мѣсто, гдѣ стоялъ полковникъ Риманъ и обыскивалъ людей; направо отъ него находилась дверь, ведущая къ выходу, а налѣво—въ телеграфную комнату, гдѣ ожидали смерти 25 заключенныхъ.

Неужели это отвѣтъ?

Редакція «Руси».

На обвиненія печати въ кровавомъ злоупотребленіи властью и превышеніи всѣхъ возможныхъ ея полномочій адм. Дубасовъ отвѣчаетъ похищеніемъ у читателей нумеровъ тѣхъ газетъ, которыя даютъ фактическія и доказательныя описанія дѣйствій его и подчиненныхъ ему властей.

Во вчерашнемъ номерѣ «Руси» (26 янв.) было напечатано письмо г. Владимирова о Голутвинѣ и убійствахъ и разстрѣляніяхъ въ немъ. Сегодня намъ телеграфируютъ изъ Москвы, что номеръ этотъ тамъ арестованъ «по распоряженію генералъ-губернатора».

Неужели это отвѣтъ?

VI.

Въ то время, когда описанныя въ предыдущемъ письмѣ событія происходили на вокзалѣ Голутвино, другая часть отряда Семеновскаго полка направилась по квартирамъ рабочихъ коломенскаго вагоно-строительнаго завода г. Струве. Эти квартиры расположены въ селеніи Боброво, прилегающемъ къ станціи. Главное вниманіе отряда было обращено на жилище г. Дорфа, завѣдующаго театромъ общества народныхъ развлеченій. Главный учредитель этого общества и предсѣдатель—фабрикантъ Струве. Въ этомъ театрѣ, вмѣщающемъ до 1,000 человѣкъ, происходили съ разрѣшенія полицейскаго начальства народные митинги. Рабочіе посѣщали ихъ весьма охотно и любили слушать какъ своихъ ораторовъ, такъ и ораторовъ изъ интеллигенціи. Къ числу послѣднихъ, по показанію свидѣтелей, принадлежалъ убитый помощникъ присяжнаго повѣреннаго Тарарыкинъ.

Послѣдніе три митинга происходили безъ разрѣшенія полиціи и предсѣдателя общества; большая толпа народа выбила въ двери стекло, отщелкнула задвижку

и такимъ образомъ вошла во внутрь помѣщенія, противъ воли завѣдующаго театромъ г. Дорфа.

Есть основаніе думать, что на этотъ театръ и на всѣхъ дѣятелей, связанныхъ съ нимъ, было обращено особое вниманіе вдохновителей отряда и составителей списка. Власти предполагали, что здѣсь происхо-

† Дорфъ, завѣдующій театромъ.

дили засѣданія стачечнаго комитета, гдѣ главари его и ораторы, агитируя и вліяя своими рѣчами на безработныхъ людей, увлекали ихъ къ активной дѣятельности вооруженнаго возстанія.

На самомъ дѣлѣ, какъ я и раньше говорилъ, ничего подобнаго не было. На основаніи самаго точнѣй-

шаго разслѣдованія и показаній многихъ лицъ, близко стоящихъ къ передовому освободительному движенію, я пришелъ къ такому заключенію, что среди рабочихъ коломенскаго завода не было московскаго стачечнаго комитета, что во время объявленія всеобщей политической забастовки 7 декабря коломенскій заводъ былъ закрытъ администраціей завода еще задолго до этого времени, поэтому рабочіе не могли сорганизоваться въ правильный союзъ.

Еще въ концѣ октября рабочіе паровозной кузницы просили заводскую администрацію повысить заработную плату; къ этому требованію присоединились и остальные рабочіе завода, числомъ около 7 тысячъ, и прибавили еще къ тому требованіе уволить нѣкоторыхъ мастеровъ, наиболѣе ненавистныхъ рабочимъ.

Администрація этихъ требованій не удовлетворила, и послѣ того, какъ рабочіе съ комическимъ торжествомъ вывезли за ворота на тачкѣ мастера Якобсона, завѣдующаго вагонными мастерскими, при участіи демонстративнаго шествія съ метлами, рваными тряпками и заупокойнымъ пѣснопѣніемъ, администрація рѣшила закрыть заводъ до Рождества.

Во время этихъ недоразумѣній администраціи съ рабочими, по предложенію первыхъ, изъ среды рабочихъ были выбраны депутаты для удобства веденія переговоровъ. Я остановился нѣсколько подробнѣе на этихъ деталяхъ для того, чтобы читателю яснѣе показать, что во время происшествія въ Голутвинѣ

коломенскій заводъ не бастовалъ, по почину или рѣшенію рабочихъ. Прекращеніе работъ произошло вслѣдствіе постановленія администраціи, а не рабочихъ; среди рабочихъ не было организованнаго стачечнаго комитета, который постановилъ бы закрыть заводъ, руководилъ бы или направлялъ дѣятельность рабочихъ.

† Студентъ Сапожковъ.

Для властей было достаточно того, что въ театрѣ происходили митинги при большомъ стеченіи народа, чтобы счесть его очагомъ крамолы и революціи.

Поэтому семеновцы обратили наибольшое вниманіе на участниковъ митинга и начали съ того, что окружили домъ г. Дорфа, какъ завѣдующаго театромъ, и произвели самый тщательный обыскъ.

Когда офицеръ вошелъ къ нему въ домъ, то спросилъ: «Гдѣ здѣсь студентъ Сапожковъ?»—Дорфъ указалъ на молодого человѣка, и солдаты набросились на него. По словамъ г-жи Дорфъ, его тормошили такъ сильно, что она обратилась къ солдатамъ: «За что тормошите его? Вы дѣтей моихъ напугаете!»

Тогда его вывели на дворъ и окружили конвоемъ.

Офицеръ, обратившись къ Дорфу, спросилъ:

— Гдѣ у васъ оружіе?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ началъ обыскивать и изъ-за печки вытащилъ 2 револьвера.

Эти револьверы принадлежали гостямъ, которые пришли къ нимъ пить чай.

Кромѣ Сапожкова тутъ находились: пом. прис. повѣреннаго Тарарыкинъ, рабочій Зайцевъ, студентъ Свищовъ—сынъ коломенскаго доктора, рабочій Чудиновъ и г-жа Краснова.

Найдя револьверъ, офицеръ приказалъ ломать печи. Когда кирпичи полетѣли въ разныя стороны подъ дружнымъ напоромъ штыковъ, офицеръ изъ боязни взрыва—въ случаѣ если бы тамъ находились бомбы,—приказалъ дѣйствовать съ большей осторожностью.

Никакихъ бомбъ не было найдено, также не найдено ничего предосудительнаго въ запискахъ, письмахъ и печатныхъ изданіяхъ.

Зайцева, Чудинова, Свищева и Краснову отпустили домой, а Дорфа, Сапожкова и Тарарыкина отправили подъ конвоемъ на станцію въ телеграфную комнату, откуда... имъ уже не пришлось возвратиться.

Когда ихъ увели, г-жа Дорфъ обратилась къ семеновскому солдату и сказала:

— Что это значитъ, что вамъ нужно здѣсь? И такъ по всей Россіи льется кровь!.. Мало ли ее уже пролито!

— А вотъ увидите еще, сколько нынче крови прольется!—отвѣтилъ солдатъ.

† Тарарыкинъ, присяжный повѣренный.

Послѣ квартиры Дорфа обыскали театръ, предполагая найти складъ оружія, но ничего не нашли. Затѣмъ обыскивали частныя квартиры рабочихъ и между прочимъ обыскали квартиру Чудинова, гдѣ жилъ рабочій Зайцевъ, только что отпущенный отъ Дорфа. Зайцевъ наканунѣ выписался изъ больницы и, чувствуя себя совершенно нездоровымъ, лежалъ на диванѣ у Дорфа,

когда къ тому явились солдаты. Оттуда его отпустили на свободу, но во второй разъ при обыскѣ на квартирѣ Зайцева отправили въ телеграфную комнату, откуда онъ также не возвратился.

Между прочимъ разсказываютъ, что солдаты, придя въ одну квартиру, осмотрѣвъ помѣщеніе и стѣны, обратились къ хозяйкѣ и сказали:

— «Очень подозрительная квартира, картинъ по стѣнамъ развѣшано много, а царя нѣтъ! Надо хорошенько обыскать ее»! Когда солдаты ушли, ничего не найдя, хозяйка съ перепугу побѣжала скорѣе къ сосѣдямъ и вымолила у нихъ царскій портретъ, который и приколотила на самое видное мѣсто, и только послѣ этого почувствовала себя въ безопасности.

При обыскѣ у Сидорова были найдены въ карманѣ 3 холостыхъ гильзы; онъ служилъ на коломенскомъ заводѣ въ качествѣ рабочаго. Ему было 17 лѣтъ. Ни въ какихъ собраніяхъ и митингахъ не участвовалъ; въ дружинѣ не состоялъ; былъ очень тихій и скромный.

Нужно замѣтить, что среди коломенскихъ рабочихъ была организована собственная дружина для самозащиты противъ черной сотни, которая однажды напала на зданіе земской управы въ то время, когда тамъ съ разрѣшенія мѣстной полиціи собрался народный митингъ. Черносотенцы выбили всѣ стекла и грозили сжечь зданіе. Пришлось вмѣшаться полиціи, и благодаря дѣятельному участію исправника обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

У рабочаго Старостина обыскъ былъ произведенъ

самый поверхностный; ничего не нашли; про него рабочіе разсказывали, что онъ считался у нихъ подозрительнымъ человѣкомъ, такъ какъ состоялъ сыщикомъ въ полиціи; изъ-за него раньше много народа страдало; за послѣднее время онъ сильно измѣнился, участвовалъ на митингахъ, произносилъ рѣчи,—рабочіе

† Мельниковъ, рабоч. Коломенскаго завода.

стали лучше относиться къ нему. Въ дружинѣ не состоялъ. Его тоже отправили въ телеграфную комнату, но почему—никто не могъ дать отвѣта.

Такимъ же нелюбимымъ вначалѣ рабочимъ былъ Мельниковъ; потомъ его выбрали депутатомъ. Участвовалъ на митингахъ и иногда произносилъ рѣчи. При

обыскѣ у него ничего не нашли. Онъ былъ отправленъ въ ту же телеграфную комнату. Про чертежника коломенскаго завода Абрамова свидѣтели показали, что онъ не участвовалъ ни на митингахъ, ни въ собраніяхъ, ни въ дружинѣ. Ему было всего 17 лѣтъ. Въ этотъ день онъ возвращался въ 3-емъ часу дня

† Абрамовъ, чертежникъ Коломенскаго зав.

изъ заводской конторы къ себѣ домой въ деревню Боброво. Ничего не зная о пріѣздѣ солдатъ, онъ безпечно бесѣдовалъ со своимъ товарищемъ. Въ это время недалеко отъ него раздался окрикъ солдата: «Остановись! Руки кверху!» Абрамовъ, не обративъ вниманія, продолжалъ путь. Солдатъ бѣгомъ догналъ

его, схватилъ за шиворотъ и отправилъ въ телеграфную комнату. Потомъ онъ тоже былъ разстрѣлянъ.

Рабочій Пушковъ, проходя съ двумя своими товарищами черезъ переѣздъ, былъ остановленъ солдатами въ 7-й разъ. Каждый разъ его обыскивали и отпускали. Такая непріятная процедура начала его раздражать, и когда его обыскали въ послѣдній разъ и вновь отпустили, онъ не вытерпѣлъ и, чтобы посмѣяться надъ ними, сказалъ: «Вотъ 10 разъ меня обыскали, а въ шапкѣ-то и не посмотрѣли, а тамъ бомба». Его сейчасъ же задержали и отправили въ телеграфную комнату, гдѣ ожидала его смерть.

Сынъ помощника мастера коломенскаго завода Стопчукъ, прогуливаясь со своей женой, былъ остановленъ солдатами и подвергнутъ обыску. При немъ и женѣ ничего не нашли и хотѣли уже отпустить, но въ это время одинъ изъ солдатъ спросилъ его фамилію.

Услыхавъ фамилію «Стопчукъ», его сейчасъ же арестовали и отправили въ телеграфную комнату. Жену отпустили домой. Прощаясь съ ней, Стопчукъ успокаивалъ ее, говоря, что это недоразумѣніе, что его сейчасъ офицеръ отпуститъ, такъ какъ ни въ какихъ партіяхъ, союзахъ и митингахъ онъ не участвовалъ. Но онъ больше не возвратился.

По показанію свидѣтелей, его разстрѣляли дѣйствительно по недоразумѣнію, по ошибкѣ, что подтвердилось на слѣдующій день, когда къ офицеру явился старикъ Стопчукъ и спросилъ его:

— За что убили моего сына?

— За то, что онъ участвовалъ въ стачечномъ комитетѣ, на митингахъ и собраніяхъ и въ союзахъ,— отвѣтилъ офицеръ.

Старикъ на это возразилъ, что убитый сынъ его совершенно не виновенъ въ этомъ, такъ какъ не только не принималъ никакого участія, но даже избѣгалъ

† Стопчукъ, рабоч. съ Коломенскаго завода.

всяческія собранія и шелъ противъ нихъ.—«А вотъ у меня есть другой сынъ, который дѣйствительно бывалъ на сходкахъ и митингахъ и даже ораторствовалъ!На это Риманъ отвѣтилъ:

— «Печальное недоразумѣніе. Тогда надо и того»

забрать и убить!» Но было уже поздно, такъ какъ тотъ скрылся; теперь его разыскиваютъ.

Про подобную ошибку—разстрѣла «по недоразумѣнію»—свидѣтели говорятъ, называя студента Сапожкова. Убили Александра Сапожкова, который былъ совершенно ни въ чемъ не повиненъ. Мѣстная полиція была о немъ хорошаго мнѣнія, какъ о спокойномъ и неопасномъ человѣкѣ. Солдаты разыскивали Николая Сапожкова, его брата, который значился въ спискѣ охраннаго отдѣленія. Но солдаты его не нашли и передъ отъѣздомъ своимъ поручили розыски мѣстной полицейской власти. До сихъ поръ Николай Сапожковъ не разысканъ, несмотря на обѣщанную награду въ 200 рублей тому, кто укажетъ полиціи, гдѣ онъ находится.

По счастливой случайности Николай Сапожковъ избѣгъ смерти, которая была отъ него на волосокъ. Въ то время, когда солдаты громко кричали одному обывателю на улицѣ селенія Боброва: «гдѣ Сапожковъ? Укажи, гдѣ Николай Сапожковъ,—а не то застрѣлю тебя!»—Сапожковъ въ это время проходилъ мимо нихъ, соблюдая удивительное хладнокровіе и спокойствіе.

Его не узнали мѣстныя полицейскія власти, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ длинную шубу и папаху.

Всѣ эти событія шли одно за другимъ съ поразительной быстротой. Въ теченіе какихъ-нибудь 2—3-хъ часовъ всѣ обыски были окончены. Въ телеграфную комнату доставлены 24 человѣка. Всѣ они не знали, за что ихъ арестовали, и съ совершеннымъ равноду-

шіемъ и спокойствіемъ относились къ своей участи. Они ожидали, что ихъ вызовутъ къ офицерамъ, и тѣ выяснятъ причину ареста.

Могъ ли предполагать заводскій чертежникъ Плотниковъ, возвращавшійся домой, что его убьютъ за пререканія по поводу многихъ обысковъ на пути его слѣдованія. Вѣдь онъ не совершилъ ничего преступнаго и если вызвалъ раздраженіе въ солдатѣ, отправившемъ его въ телеграфную комнату, то только потому, что его самого солдаты раздражили безцѣльными, грубыми и многочисленными обысками.

Такъ и всѣ остальные, не чувствуя за собой въ большинствѣ случаевъ никакой вины, или, таковую вину, которая произошла отъ довѣрія къ освободительнымъ реформамъ, возвѣщеннымъ царскимъ манифестомъ отъ 17 октября, всѣ арестованные ни минуты не предполагали, что они будутъ казнены безъ суда и слѣдствія, безъ молитвы и причастія, не простившись съ дѣтьми и женами, не высказавъ имъ своей послѣдней воли.

Въ 5 часовъ вечера, въ началѣ шестого, полковникъ Риманъ, выстроивъ солдатъ въ шеренгу по платформѣ вокзала, вызвалъ изъ телеграфной комнаты 12 человѣкъ и велѣлъ слѣдовать имъ подъ конвоемъ на запасные пути къ семафорной будкѣ. Несчастные предполагали, что ихъ ведутъ въ вагонъ, чтобы отправить въ Москву на дознаніе. Сторожъ N, отворивъ дверь на платформу, пропустилъ несчастныхъ мимо себя, будучи

увѣренъ, что ихъ отправляютъ въ Москву. Они разговаривали между собою, держа себя весьма безпечно.

Послѣдовать за ними сторожъ не посмѣлъ, но пріотворилъ дверь и слушалъ. Черезъ нѣсколько минутъ сторожъ услыхалъ два залпа и затѣмъ много частыхъ выстрѣловъ. Тогда онъ понялъ, что произошло.

Когда арестованные прошли саженей 70 отъ станціи вправо, по направленію къ Рузаевкѣ, туда, гдѣ на запасныхъ путяхъ стояли порожніе вагоны, и поравнялись съ угольнымъ складомъ, немного не доходя до семафорной будки, раздался по нимъ по командѣ полковника залпъ, затѣмъ другой, и когда всѣ упали и корчились на снѣгу отъ ранъ, ихъ добили отдѣльными выстрѣлами.

Когда все смолкло, и темная, безмолвная ночь скрыла отъ человѣческихъ глазъ совершенное убійство, старикъ - священникъ, окончивъ вечернюю молитву, выходилъ изъ храма, стоявшаго недалеко отъ мѣста преступленія, и, услышавъ выстрѣлы, перекрестился. Онъ не думалъ, что это убивали невинныхъ людей. Онъ не предполагалъ, что завтра такимъ же путемъ убьютъ его родного сына на станціи Ашитково. Но это все случилось. У отца Виноградова на другой день въ 10 час. утра убили сына, начальника станціи Ашитково.

Убили его еще проще: взявъ его изъ квартиры, обыскавъ, ничего не найдя, предложили ему слѣдовать за офицеромъ и солдатами. Его повели къ пустымъ вагонамъ, и когда онъ поравнялся съ ними, ему

приказали идти дальше по направленію къ лѣсу. Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ, безъ команды, по мановенію руки полковника солдаты дали залпъ, и несчастный упалъ мертвымъ.

О дѣятельности отряда въ Ашитковѣ я разскажу отдѣльно, а теперь вернусь къ тѣмъ 12 человѣкамъ, которые остались въ телеграфной комнатѣ.

Они не слыхали залпа, какъ предполагаетъ сторожъ, но если и слышали, то не думали, какая ужасная участь ихъ ждетъ!.. Они не вѣрили, что безъ суда можно убивать людей! Направляясь къ тому же угольному складу, наткнувшись въ темнотѣ на трупы убитыхъ, они тогда только сообразили, что ихъ ждетъ...

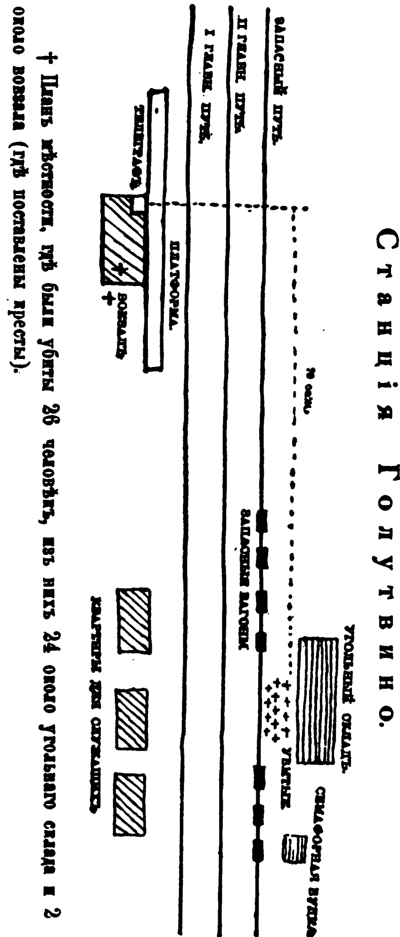
Но было поздно; одинъ за другимъ залпы не дали сказать ни слова, ни звука!!..

Рядъ отдѣльныхъ выстрѣловъ, быстрыхъ и частыхъ, покончилъ на-вѣки ихъ мученья!..

Я видѣлъ это мѣсто, гдѣ были убиты эти 24, ни въ чемъ неповинныхъ, человѣка. Въ стѣнѣ угольныхъ кирпичей имѣется много углубленій отъ пуль. Всего больше этихъ углубленій сдѣлано на половинѣ высоты человѣческаго роста. Надо думать, стрѣляли имъ въ животъ.

Къ 6 часамъ вечера закончились операціи полковника Римана на вокзалѣ. Никто, кромѣ активныхъ дѣятелей его, не зналъ о случившемся. Всѣ вдовы и сироты были твердо увѣрены до самаго утра, что ихъ мужья, отцы и братья арестованы, и что поэтому они и не могли вернуться къ своимъ семьямъ на ночь. За-

ботливая вдова Дорфъ около 9 часовъ вечера подумала о своемъ мужѣ и остальныхъ гостяхъ, забранныхъ въ

† Планъ мѣстности, гдѣ были убиты 26 человѣкъ, изъ нихъ 24 около угольнаго склада и 2 около вокзала (гдѣ поставлены кресты).

ея квартирѣ, погоревала о томъ, что они сидятъ весь день не ѣвши, приготовила имъ поужинать и со своимъ

старшимъ сыномъ, мальчуганомъ лѣтъ 12, отослала на станцію ужинъ на 4-хъ человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени сынъ возвратился и сказалъ, что на станцію никого не пропускаютъ, и ужинъ принесъ назадъ. Съ легкой душой и спокойнымъ сердцемъ легла въ эту ночь вдова Дорфъ, не зная о происшедшей перемѣнѣ въ своей семьѣ.

Жена начальника станціи еще дня за три до этого происшествія перебралась въ квартиру ревизора движенія, расположенную во второмъ этажѣ вокзала надъ первымъ классомъ.

Изъ оконъ этой квартиры прекрасно видно то мѣсто, гдѣ разстрѣляли ея мужа и остальныхъ людей. Но не предполагая о возможности разстрѣла, она не слѣдила о томъ, что дѣлается вокругъ вокзала. Она такъ была увѣрена, что мужъ ея, будучи совершенно невиновнымъ, не могъ подвергнуться такой ужасной случайности. Надежинъ служилъ на Московско-Казанской ж. дор. 36 лѣтъ; хорошо былъ извѣстенъ начальству, какъ добрый и вѣрный служака; въ 30-тилѣтній юбилей онъ получилъ отъ желѣзнодорожнаго начальства въ подарокъ золотые часы съ надписью и золотой цѣпочкой; а въ 35-тилѣтній юбилей ему прислали золотой жетонъ, по которому онъ получилъ право разъѣзжать безплатно въ 1-мъ классѣ по дорогамъ общества Моск. Казан. жел. дор., и наконецъ въ январѣ 1905 года ему прислали изъ Петербурга свидѣтельство о дарованіи почетнаго гражданства за его отличную и усерднѣйшую

службу. Не знаю, съ какою цѣлью во время проѣзда министра путей сообщенія г. Немѣшаева черезъ станцію Голутвино 21-го января сего года, управляющій дорогой г. Шестаковъ на вопросъ министра, сколько лѣтъ служилъ Надежинъ, отвѣтилъ, что Надежинъ прослужилъ на дорогѣ 27 лѣтъ; когда же одинъ изъ служащихъ замѣтилъ, что онъ прослужилъ 36 лѣтъ, Шестаковъ рѣзко возразилъ:

— Я лично справлялся по формуляру, ваше высокопревосходительство, и тамъ значится службы его 27 лѣтъ.

Услышавъ такую несправедливость, въ тотъ же день я спросилъ вдову Надежину и получилъ отвѣтъ, что онъ служилъ 36 лѣтъ. Кто изъ нихъ сказалъ правду и зачѣмъ Шестакову понадобилось сократить 9 лѣтъ службы, предоставляю рѣшить управляющему дорогой; надо думать, что это была ошибка съ его стороны безъ умысла лишить вдову съ 6-ю ребятами законной пенсіи и пособія за долголѣтнюю, безупречную и усердную службу мужа, невинно убитаго безъ суда и слѣдствія.

На слѣдующее утро казни никто не зналъ, гдѣ находятся арестованные, что съ ними случилось. Рано утромъ вдова Дорфъ послала своего сынишку сбѣгать на станцію и поразспросить солдатъ. Они отвѣтили, что ничего не знаютъ, и мальчуганъ ни съ чѣмъ возвратился домой.

Вдова Надежина еще съ вечера посылала нѣ-

сколько разъ на станцію своего старшаго сына-гимназиста провѣдать, гдѣ ея мужъ и что съ нимъ, и каждый разъ онъ приходилъ съ отвѣтомъ:

— Ничего не узналъ, солдаты не говорятъ; на станцію не пускаютъ.

Всю ночь семья Надежиныхъ не ложилась спать, ожидая съ часу на часъ, что вотъ-вотъ сейчасъ вернется самъ Надежинъ, и тогда они спокойно уснутъ. Въ воздухѣ чувствовалось что-то зловѣщее; мертвая тишина на станціи, холодное равнодушіе часовыхъ и гнетущая неизвѣстность невольно настраивали человѣка самымъ мрачнымъ и подавляющимъ образомъ.

Утромъ, когда было еще темно, Надежина послала вновь сына на развѣдки.

«Ничего не узналъ»—былъ его отвѣтъ. Нѣсколько разъ онъ ходилъ туда и все безрезультатно. Въ это время прибѣжала маленькая дѣвочка вдовы Шелухиной и говоритъ:

— У насъ папы нѣтъ со вчерашняго вечера!..

— У насъ тоже нѣтъ,—отвѣтила Надежина.

Черезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ сынъ-гимназистъ и съ возгласомъ:

— «Убили, всѣхъ убили!!!»—падаетъ на скамью въ передней.

Слово «убили», какъ искра, разнеслось по всей мѣстности, отъ одного къ другому, изъ жилища въ жилище.

Одни отъ ужаса не могли понять, гдѣ, кого, за что

убили. Другіе, наоборотъ, содрогнулись отъ простоты и ясности представленія, что такъ должно случиться: «они» для того и прибыли сюда, чтобы пролить кровь... убить!

Многія вдовы пошли на станцію искать свои трупы, но и тутъ онѣ ошиблись; въ отвѣтъ получили, что всѣ закопаны въ ямѣ. Другія вдовы такъ и не ходили никуда. Въ нѣмомъ изступленіи оставались онѣ дома подъ гнетущей тяжестью рокового вопроса: «за что?».

Одна молодая барышня Абрамова, розыскивая своего брата, рано утромъ отправилась по запаснымъ путямъ на станцію и, встрѣтивъ ремонтнаго рабочаго, спросила, не знаетъ ли онъ, гдѣ ея братъ?

— А вотъ сейчасъ его повезли на подводѣ вмѣстѣ съ остальными убитыми въ яму закапывать!—отвѣтилъ рабочій.

Она опрометью побѣжала по указанному направленію.

На краю голутвинскаго кладбища на чистомъ снѣгу ясно обрисовывалась яма, большая, глубокая. Въ длину двѣ съ половиной сажени, въ ширину сажень.

Около ямы оставались два воза съ трупами, на каждомъ по 13 человѣкъ. Около воза хлопотали ремонтные рабочіе. Присутствовали здѣсь солдаты, мѣстные жандармы и полицейская власть.

Двое рабочихъ брали трупы за ноги и за голову, подносили къ ямѣ и передавали двумъ другимъ рабочимъ, находившимся на днѣ ямы. Тѣ укладывали ихъ

рядомъ, головой къ церкви. Въ каждомъ ряду улеглось по 10 человѣкъ.

Лица ихъ были искажены. Большія муки терпѣли они, прежде чѣмъ смерть пресѣкла ихъ жизнь.

Нѣкоторыя лица были окровавлены, особенно у пом. прис. пов. Тарарыкина.

Трупы въ большинствѣ случаевъ были прямы, за исключеніемъ трехъ, согнутыхъ такъ сильно, что ихъ пришлось положить сверху. Въ числѣ этихъ трехъ оказался старикъ рабочій Зайцевъ.

Ихъ хоронили въ шубахъ, сверху побросали на нихъ галоши и шапки. Только одинъ трупъ былъ раздѣтъ, въ одной рубашкѣ, которая была вся въ крови.

Долго смотрѣла Абрамова на эту картину. Она не могла двинуться, уйти, оторваться отъ этого ужаснаго зрѣлища, отъ этой молчаливой страшной работы—укладыванія рядами еще вчера живыхъ, полныхъ силъ и жизни ея знакомыхъ, ея родныхъ. Она не могла оторваться отъ этого, и когда послѣдній трупъ—Зайцева—былъ опущенъ въ яму, ей кто-то тихо сказалъ: «Идите домой!»—Она пошла, ничего не понимая, не оглядываясь назадъ, безъ думъ въ головѣ, безъ чувствъ въ сердцѣ. На нее нашелъ какой-то столбнякъ.

Придя домой, она ничего не сказала отцу и матери.

Только къ вечеру ея душевныя муки разразились рыданьями, и тогда она разсказала родителямъ все, что видѣла, пережила и перестрадала въ это ужасное утро.

Священникъ пришелъ служить панихиду, когда могила была уже зарыта.

Вещи, деньги, находившіяся при убитыхъ, никому не были возвращены.

У многихъ изъ нихъ, по показаніямъ свидѣтелей, были деньги, золотые часы, цѣпочки. У повѣреннаго Тарарыкина было 300 рублей денегъ, у Дорфа 27 руб. У нач. станціи Надежина были казенныя деньги.

Въ то время, когда повезли трупы на кладбище, отрядъ солдатъ подъ командой Римана двинулся съ пушками и пулеметами на заводъ Струве. Пушки были угрожающе поставлены противъ конторы завода. Послѣ бесѣды съ главнымъ директоромъ завода, полковникъ рѣшилъ заводъ не обыскивать; говорятъ, что директоръ поручился за то, что оружія на заводѣ нѣтъ.

Риманъ предупредилъ администрацію завода, что если будетъ сдѣланъ хоть одинъ выстрѣлъ рабочими, то онъ разгромитъ его пушками и сравняетъ съ землею.

Все обошлось мирно, никакихъ выстрѣловъ не было, и солдаты, постоявъ до вечера у завода, обыскавъ лишь пальто рабочихъ на вѣшалкахъ, возвратились назадъ на станцію Голутвино.

Затѣмъ стали собираться въ дорогу и во вторникъ, т. е. на третій день, уѣхали назадъ въ Москву. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Послали за священникомъ Виноградовымъ, у котораго солдаты того же отряда убили сына; онъ отказался и не пошелъ.

Не молебенъ надо было служить, а панихиду по убіеннымъ!..

Вмѣсто него молебенъ служилъ отецъ Никифоръ, провозгласилъ многолѣтіе Семеновскому полку и въ словѣ пастыря, обращенномъ къ молящимся, воздалъ хвалу отряду полка, уничтожившему крамолу и водворившему миръ и спокойствіе.

Они уѣхали, оставивъ небольшую часть солдатъ еще дня на три.

Уѣзжая, поручили мѣстной полиціи искать крамольниковъ, значащихся въ ихъ спискахъ, и убивать ихъ. Въ числѣ такихъ крамольниковъ они указали на студента Николая Сапожкова, Бронислава Старкевича, рабочаго Криворотова и др.

Криворотовъ имѣлъ неосторожность послѣ отъѣзда солдатъ возвратиться къ себѣ въ семью. Нагрянула полиція, сдѣлала обыскъ и увела Криворотова; онъ былъ убитъ и похороненъ въ отдѣльной небольшой могилѣ рядомъ съ братской, гдѣ похоронены 26 человѣкъ.

Гдѣ убили Криворотова, кто убилъ и какимъ образомъ, никто не знаетъ.

Извѣстно только то, что незадолго до пріѣзда семеновскихъ солдатъ Криворотовъ собственноручно обезоружилъ станціоннаго жандарма, отнявъ у него револьверъ и наговоривъ ему много непріятныхъ словъ. За это онъ попалъ въ списокъ!

Послѣ всего происшедшаго, мѣстное населеніе чувствуетъ себя крайне подавленнымъ. Среди рабочихъ

одно время была паника, и когда однажды утромъ кажется на третій день пребыванія отряда, солдаты произвели обыскъ и отняли паспорта у троихъ рабочихъ, они побѣжали скорѣй въ мужской Коломенскій монастырь къ монаху отцу Іоанникію исполнить свой послѣдній христіанскій долгъ — исповѣдаться и причаститься.

Отецъ Іоанникій исповѣдалъ ихъ, но когда они подошли къ причастію и отецъ Федоръ узналъ причину, побудившую ихъ обратиться къ молитвѣ и причастію, то онъ испугался возможности понести за это отвѣтственность, началъ кричать на нихъ при всемъ народѣ, отказалъ имъ отъ причастія, говоря: —«Сегодня вы можетъ быть будете разстрѣляны, а я буду давать вамъ причастье. Завтра, если васъ не разстрѣляютъ, приходите». Такъ они и ушли изъ церкви, не причастившись.

Эта картина съ натуры, обрисовывающая мѣстное духовенство и его пониманіе пастырскаго долга, записана со словъ того рабочаго, который получилъ отказъ отъ причастія.

Она хорошо рисуетъ также ту панику, тотъ ужасъ, который переживало все населеніе, когда достаточно было явиться солдату въ квартиру, чтобы хозяинъ ея почувствовалъ себя приговореннымъ къ смерти.

ГЛАВА VII.

Я указывалъ, насколько необходима немедленная помощь лицамъ и семьямъ, оставшимся въ крайне бѣдственномъ положенiи послѣ разстрѣловъ кормильцевъ своихъ карательнымъ отрядомъ Семеновскаго полка. Указывалъ также, что находились добрые, сердечные люди, которые своимъ доброхотнымъ пожертвованiемъ торопились облегчить участь и страданiя несчастныхъ семей, выброшенныхъ на улицу и обреченныхъ на голодную жизнь.

Укажу еще на одинъ прекрасный примѣръ проявленiя человѣческихъ чувствъ въ той самой солдатской средѣ, которая подъ давленiемъ воинскаго долга безпрекословнаго подчиненiя начальству дѣйствуетъ иногда противъ своей совѣсти, противъ велѣнiя души и сердца, противъ своего внутренняго «я».

Въ солдатской средѣ возникло желанiе придти на помощь семьѣ убитаго начальника станцiи Надежина въ Голутвинѣ, собрать между своими ребятами копейки и отдать ихъ несчастной вдовѣ невинно убитаго супруга. Мало того, что они устроили складчину,

принимая пожертвованія по мелочамъ — кто сколько можетъ дать, но они нашли нужнымъ выразить вдовѣ письмомъ свое соболѣзнованіе по поводу невозвратимой утраты, ея безысходнаго горя, которое волнуетъ также и ихъ, и которое они всей душой раздѣляютъ съ нею.

И это письмо съ 6-ю рублями денегъ утромъ принесъ солдатикъ Надежиной; робко позвонилъ у ея подъѣзда; но когда одинъ видъ у дверей сѣрой солдатской шинели произвелъ страшный переполохъ въ этомъ несчастномъ домѣ, солдатикъ попросилъ черезъ прислугу передать г-жѣ Надежиной его желаніе лично видѣть вдову, чтобы сказать ей нѣсколько словъ.

Со страхомъ, не зная, что подумать, бѣдная Надежина вышла, ожидая съ ужасомъ своей участи. Солдатикъ передалъ ей письмо отъ своихъ товарищей, которые написали ей, что, хорошо зная, что Надежинъ пострадалъ невинно, что онъ прекрасный добрый человѣкъ, котораго всѣ любили и глубоко уважали, поспѣшили выразить вдовѣ убитаго соболѣзнованіе и, утѣшая ее, убѣждали не убиваться постигшимъ ее горемъ.

Въ свою же очередь, передавая письмо и деньги, пришедшій солдатикъ отъ себя сказалъ ей нѣсколько теплыхъ словъ, отъ которыхъ измученная женщина расплакалась, приняла деньги и просила добраго солдата передать всѣмъ своимъ товарищамъ, что это

будетъ для нея большое, большое утѣшеніе въ ея несчастьи.

Читатель! Вы подумаете, быть можетъ, что это тѣ солдаты Семеновскаго полка, которые наканунѣ разстрѣляли ея мужа? Неужели они смогли пережить тотъ страшный душевный переворотъ, когда человѣкъ по воинскому долгу убиваетъ совѣсть, дѣйствуетъ противъ нея, а потомъ вдругъ познаетъ дѣйствительность?

Нѣтъ, это были солдаты тѣхъ войсковыхъ частей, которыя расположены въ городѣ Коломнѣ, т.-е. въ четырехъ верстахъ отъ мѣста жительства Надежина. Это въ нихъ проснулась душа и толкнула ихъ на доброе и великое дѣло—протянуть руку участія измученной, изстрадавшейся женщинѣ. И они достигли желаемаго. Они осушили слезы вдовѣ.

Думалъ ли Риманъ, что его поступокъ разстрѣла безъ суда и слѣдствія невинныхъ людей устрашитъ населеніе, заставитъ всѣхъ съ рабской покорностью примириться съ пролитой кровью, какъ передъ неизбѣжнымъ явленіемъ высшей политики современнаго строя?

Думалъ ли Риманъ, что въ сердцахъ той же самой солдатской среды, къ которой принадлежитъ и самъ, пробудятся лучшія человѣческія чувства къ оставшимся въ живыхъ и чувства протеста къ нему и ко всѣмъ лицамъ, чинившимъ насиліе и произволъ?

Жестоко ошибся Риманъ! Доброхотная складчина

солдатъ мѣстныхъ войсковыхъ частей и ихъ письмо къ вдовѣ убитаго наглядно показываютъ, что они не могли сдержать въ себѣ овладѣвшихъ чувствъ негодованія противъ безумій карательнаго отряда, противъ казни, сопровождавшейся жестокостями и таинственностью, противъ отсутствія суда и слѣдствія; въ нихъ пробудился протестъ, но тотъ протестъ долженъ быть услышанъ правительствомъ; его нельзя оставить безъ вниманія, не считаться съ нимъ. Онъ идетъ изъ той среды, которая въ настоящій моментъ особенно нужна правительству, на которую оно не только опирается, но при помощи которой активно дѣйствуетъ для сохраненія своей цѣлости, своего существованія.

И къ этому протесту присоединяется все общество и требуетъ отъ правительства немедленнаго преданія суду всѣхъ руководителей карательнаго отряда.

Распространившійся слухъ на страницахъ «Новаго Времени», что правительство рѣшило произвести всестороннее разслѣдованіе черезъ чиновъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ о дѣйствіяхъ карательнаго отряда можетъ только еще усилить развившееся негодованіе противъ правительства, которое боится вывести наружу преступныя дѣйствія своихъ агентовъ. Каждому хорошо извѣстно, что такое значитъ жандармское разслѣдованіе такого громаднаго и сложнаго вопроса. Никакой гарантіи обществу, никакихъ удовлетвореній подобное разслѣдованіе принести не можетъ. Каждый свидѣтель не можетъ себя чувствовать сво-

боднымъ въ своихъ показаніяхъ въ рукахъ жандармскаго слѣдователя, рискуя по произволу его превратиться изъ слѣдователя въ обвиняемаго и попасть въ тюрьму. При такихъ условіяхъ преступность офицеровъ карательнаго отряда остается безъ наказанія и общественное мнѣніе не успокоится, требуя отъ правительства все настойчивѣе и настойчивѣе отвѣта.

При какихъ непонятныхъ и таинственныхъ условіяхъ былъ убитъ рабочій Коломенскаго завода Василій Алексѣевичъ Криворотовъ? Никто мнѣ не могъ объяснить — кто его убилъ, гдѣ, за что. Никому это не было извѣстно. Извѣстно только то, что онъ былъ убитъ въ Голутвинѣ въ ночь на 21-е декабря, т. е. послѣ того, какъ на станціи Голутвино былъ отслуженъ благодарственный молебенъ объ уничтоженіи крамолы, на которомъ въ своей рѣчи полковникъ Риманъ сказалъ, что достаточно пролито крови и онъ больше никого не убьетъ.

Извѣстно также то, что за много часовъ до этого времени карательный отрядъ уѣхалъ изъ Голутвина, а потому онъ не могъ убить Криворотова.

Быть можетъ, тогда убили его мѣстныя голутвинскія власти по чьему-либо распоряженію? Быть можетъ имъ было поручено убить этого человѣка полк. Риманомъ, и мѣстныя власти были только въ этомъ дѣлѣ вѣрными исполнителями даннаго имъ порученія? Или быть можетъ онѣ увлеклись примѣромъ на

чальника отряда, его завѣтами рѣшительныхъ и скорыхъ дѣйствій, не неся никакой отвѣтственности за всю преступность ихъ, и порѣшили такимъ простымъ путемъ избавиться отъ ненавистнаго имъ человѣка. Все это жгучіе, невыясненные вопросы, которые глубоко волнуютъ мѣстное общество, и я постарался подойти къ нимъ возможно ближе и освѣтить ихъ съ физической стороны.

Мнѣ удалось получить свидѣтельскія показанія матери Криворотова и жены его, которыя присутствовали при разговорѣ во время ареста, послѣ котораго черезъ четверть часа онъ былъ разстрѣлянъ по указанію семафорщиковъ, слышавшихъ выстрѣлы; мѣсто разстрѣла находилось въ 20-ти шагахъ отъ семафорной будки.

Около 11 часовъ вечера, 20 декабря, когда въ домѣ Криворотова всѣ спали, раздался сильный стукъ въ дверь. Старуха-мать подошла къ двери и спросила:

— «Кто тамъ»?

Не получая отвѣта, она рѣшила не отпирать двери, но сынъ ея запротествовалъ и сказалъ ей, чтобы отперла. Тогда вошли трое мужчинъ, хорошо знакомыхъ обитателямъ этого дома: старшій городовой Семенъ Ивановъ, сильно выпившій, младшій городовой Василій Коньковъ и желѣзнодорожный жандармъ. Послѣдній не хотѣлъ входить безъ огня и требовалъ, чтобъ освѣтили квартиру. Болѣе храбрый Ивановъ подбодрилъ своего пріятеля, увѣривъ что кромѣ семьи Криворотовыхъ здѣсь никого нѣтъ.

Надо думать, что, идя на это преступное дѣло, совѣсть ихъ пугалась кровавымъ призракомъ готовящагося злодѣянія и имъ приходилось подбадривать другъ друга.

Василій Криворотовъ лежалъ въ постели, когда они вошли къ нему въ комнату при свѣтѣ зажженной лампы. Онъ очень удивился, увидавъ ихъ: поздоровался съ ними за руку, такъ какъ хорошо былъ знакомъ съ ними, и спросилъ:

— Ивановъ! по какому дѣлу ты пришелъ ко мнѣ?

— Вставай, Василій, одѣвайся! Пойдемъ съ нами на станцію, дѣло есть!—равнодушно отвѣтилъ Ивановъ.

Но отъ этихъ простыхъ словъ Криворотовъ пришелъ въ ужасъ, и передъ своими очами увидалъ смерть. Холодныя равнодушныя слова «пойдемъ на станцію» носили отпечатокъ смерти, могильное дыханіе которой чувствовалось вокругъ, чувствовалось на этихъ равнодушныхъ лицахъ, пришедшихъ сюда съ маской дружелюбія и пріятельства.

— За какими дѣлами мнѣ нужно на станцію идти?— съ дрожью въ голосѣ и съ ужасомъ спросилъ Криворотовъ.

— Ахъ! Вася, нужно идти къ допросу, тамъ ждутъ тебя!—сказалъ Ивановъ.

— Неправду говоришь, Ивановъ! Зачѣмъ обманываешь меня—воскликнулъ Криворотовъ;—я вѣдь не маленькій; послѣ того, что совершилось здѣсь, и когда я знаю, что Семеновскаго отряда въ Голутвинѣ боль-

ше нѣтъ, то допроса тоже не можетъ быть на станціи; если же ты зовешь меня туда, значитъ съ цѣлью убить! Скажи правду, Ивановъ! не томи меня! Я догадываюсь, что хочешь убить!.. Если бы звали меня въ часть, тогда дѣло другое!..

— Какой ты, Вася, дуракъ! Не слыхалъ, что ли, на молебнѣ говорилъ полковникъ, что больше никого убивать не станутъ. Ну чего тогда бояться? Какой тутъ разстрѣлъ? Одѣвайся-ка скорѣе и идемъ!

— Нѣтъ! Я не пойду!—категорически запротестовалъ Криворотовъ.

Не успѣлъ онъ кончить фразы, какъ къ нему съ злобнымъ лицомъ подскочилъ жандармъ, приставилъ револьверъ къ груди и сказалъ:

— Такъ ты не пойдешь?.. Не будешь одѣваться!?

Бѣдная старушка-мать такъ напугалась, что сама начала уговаривать своего Васю идти скорѣе на станцію, не сердить жандарма, такъ какъ тамъ ему ничего худого не сдѣлаютъ; а если будетъ сердить, то ему же хуже будетъ.

О sancta simplicitas! Она сама торопила своего любимца подъ разстрѣлъ. Желая смягчить гнѣвъ жандарма, она—мать его—уговаривала не прекословить ему и идти на смерть скорѣе, безъ борьбы, безъ сопротивленія!..

Онъ началъ медленно одѣваться, а Ивановъ ему любезно помогалъ. Когда же онъ прощался со старухой и съ женой, Ивановъ предупредительно замѣтилъ ему:

— Чего такъ трогательно прощаешься? чай, не на смерть идешь!..

Сколько въ этой хитрости скрыто лукавства и въ то же время жестокости! Знать, что человѣкъ черезъ 10 минутъ будетъ имъ убитъ, благодушно бесѣдовать съ нимъ и не дать ему приготовиться къ смерти, проститься съ близкими...

Когда его повели изъ дома, жена не вытерпѣла, выбѣжала за нимъ и закричала, захлебываясь въ рыданіяхъ; также и старуха-мать бросилась во дворъ. Вася остановился и крикнулъ имъ:

— Саша! Маманя! не плачьте! если что случится, знайте—я безвинный иду!

Больше его не видали.

Даже и трупа не видали.

Его привели на станцію, поставили на то мѣсто, гдѣ два дня тому назадъ было убито Риманомъ 26 человѣкъ, около угольной стѣнки брикетовъ, недалеко отъ семафорной будки.

Дали въ него нѣсколько выстрѣловъ и убили.

Семафорщики слышали эти выстрѣлы; показали, что было уже 12 час. ночи. Утромъ въ 5 час. утра 21 декабря трупъ Криворотова свезли желѣзнодорожные сторожа на салазкахъ на кладбище и говорятъ, что похоронили его въ общей могилѣ сверху остальныхъ труповъ, для чего раскапывали братскую могилу. Въ отдѣльной же могилѣ, о которой я раньше упоми-

налъ, похороненъ кто-то другой, но не Криворотовъ: но кто—неизвѣстно.

Интересна еще слѣдующая подробность: когда жена обратилась въ полицію за свидѣтельствомъ о смерти мужа, то ей не хотѣли его давать съ такимъ указаніемъ, что онъ убитъ на 21-е декабря, т. е. когда семеновцевъ уже не было на станціи, а хотѣли написать свидѣтельство, что Криворотовъ убитъ 19 декабря, при семеновцахъ. Эта подробность имѣетъ громадное значеніе. Мѣстная полицейская власть, совершивъ кровавое преступленіе, боялась нести за него отвѣтственность и хотѣла свалить все на офицеровъ карательнаго отряда; поэтому въ официальномъ свидѣтельствѣ предпочитала сдѣлать подлогъ въ числахъ, нежели идти на скамью подсудимыхъ за убійство.

ГЛАВА VIII.

Закончивъ всѣ свои дѣла въ Голутвинѣ, полковникъ Риманъ спѣшно выѣхалъ въ Ашитково, чтобы казнить тамъ заранѣе намѣченныхъ трехъ лицъ: начальника станціи Сергѣя Виноградова, помощн. Бунина и почтоваго чиновника Алексѣя Фадѣева. Пріѣхалъ онъ на станцію Ашитково въ 8 час. утра, 19 декабря, безъ испрашиванія пути и безъ увѣдомленія станціи о приходѣ поѣзда. Виноградовъ въ это время спалъ, но, услыхавъ на станціи шумъ, проснулся и попросилъ жену посмотрѣть въ окно, что такое значитъ. Самъ онъ былъ боленъ и остался въ постели. Жена сказала, что пришелъ изъ Рязани санитарный поѣздъ съ солдатами. Въ это время постучали въ дверь его квартиры и онъ велѣлъ прислугѣ отпереть. Вошли солдаты и ворвались къ нему въ спальню, заставъ его и жену въ одномъ бѣльѣ. Пришлось обоимъ одѣваться въ присутствіи солдатъ. Такъ какъ Виноградовъ былъ боленъ, плохо себя чувствовалъ и одѣвался крайне медленно, то черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ офицеръ и крикнулъ:

— «Скорѣе одѣвайтесь, идите внизъ»!

Отъ крика проснулась маленькая, 3-хъ лѣтъ, дочка и заплакала.

—«Есть у васъ оружіе?»—спросилъ офицеръ. Виноградовъ отдалъ ему свой револьверъ.

Одѣвшись, Виноградовъ спросилъ у жены лекарства, а у сестры табаку. Бѣдняга! Онъ не догадывался, что его ведутъ разстрѣливать, и что больше ему не нужно

† Виноградовъ, начальникъ станціи Ашитково.

будетъ лечиться и не потребуется больше лекарствъ, не придется также выкурить папироски.

Жена очень взволновалась этими сборами; когда онъ прощался съ дочкой и женой, то сказалъ имъ, чтобъ онѣ не скучали—скоро вернется, что должно быть повезутъ его въ Москву на допросъ, и просилъ ихъ спо-

койно ждать возвращенія и на прощанье поцѣловалъ ихъ. Больше ни жена, ни дочь не увидѣли его.

Жена накинула на себя шубу и хотѣла послѣдовать за мужемъ, посмотрѣть, куда поведутъ его, но солдатъ, оставшійся въ квартирѣ у дверей, грубо оттолкнулъ ее:

— «Куда лѣзешь, твоего мужа разстрѣливать повели; все равно не спасешь его! Прислушайся-ка лучше, выстрѣлы сейчасъ будутъ!»

Что она должна была почувствовать отъ этихъ словъ, безжалостныхъ, холодныхъ, мучительныхъ. Она заметалась по комнатѣ, какъ безумная, останавливалась прислушаться, молила солдата быть милосерднымъ къ ней, дать ей возможность выйти изъ квартиры, потомъ минутами не вѣрила его словамъ, глубоко увѣренная, что такъ не убиваютъ людей,—сначала судятъ, выслушиваютъ преступника, потомъ даютъ приговоренному къ казни приготовиться къ послѣднимъ минутамъ жизни, углубиться въ свою душу, совѣсть, исповѣдаться передъ духовникомъ, сказать послѣднее слово «прости!» своей женѣ, дочери. Нѣтъ, она не вѣрила минутами, что его разстрѣливаютъ, казнятъ за что-то; рѣшила, что солдатъ сказалъ нарочно, чтобы поиздѣваться надъ горемъ несчастной женщины.

Черезъ нѣсколько времени солдатъ обратился къ ней: «Ну, теперь иди, готово!». Она обезумѣла отъ радости, что сейчасъ увидитъ мужа, что страхъ, пережитый ею, былъ напрасный, выдуманный... Выстрѣловъ она не слыхала или не поняла, что былъ ружейный залпъ.

Она бросилась на колѣни передъ солдатомъ.

Въ полной увѣренности, что своимъ участіемъ она поможетъ выяснить истинную виновность мужа, она пойдетъ прямо къ офицеру и скажетъ ему, что онъ членъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, докажетъ ему, что здѣсь нѣтъ ничего преступнаго и тѣмъ облегчитъ участь своего мужа.

Она не знала, что было уже поздно! Мужъ былъ убитъ, и трупъ его лежалъ на мѣстѣ казни недалеко отъ станціи.

Она бросилась сначала въ контору станціи, никого тамъ не было, выбѣжала на платформу, никто не могъ сказать, гдѣ находится мужъ, куда его повели. Увидѣвъ на переѣздѣ и на линіи дороги по направленію къ Москвѣ солдатъ, она побѣжала туда въ горячей надеждѣ увидѣть офицера и отъ него узнать о готовящейся судьбѣ мужа. Солдаты не пустили, грубо оттолкнули ее, сказавъ:

— «Не лѣзь! обожди! сейчасъ уѣдемъ, тогда найдешь, что тебѣ нужно, съ собой не увеземъ!» и при этомъ закончили слова циничной бранью.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ уѣхалъ.

Находясь недалеко отъ переѣзда, она увидала недалеко отъ края дороги, ведущей къ лѣсу, что-то темное, лежащее на снѣгу, вродѣ человѣческаго тѣла. Какое-то страшное предчувствіе ее толкало туда, что-то заставляло ее помимо воли вглядываться въ этотъ темный предметъ. Она пошла по направленію къ нему,

безсознательно, какъ будто бы сверхъ-естественная сила руководила ею.

И вдругъ она разглядѣла,—ясно, безошибочно разглядѣла,—что это трупъ ея любимаго Сергѣя. Окрашенный кровью снѣгъ уничтожилъ въ ней всякую надежду..., несомнѣнно онъ былъ убитъ.

— «Не знаю, что было со мной! Я упала передъ нимъ на колѣни и начала цѣловать моего неоцѣнимаго, любимаго Сережу! цѣловала лицо, губы, цѣловала безъ конца, хотѣла поцѣловать его умную головку, лобъ, сняла шапку—о Господи! въ ней были мозги!! Тутъ я лишилась чувствъ и, что было со мной—не помню».

Выстрѣлы были направлены въ голову со стороны затылка и раскрошили черепъ.

Обстоятельства разстрѣла были таковы.

Въ то время, когда солдаты явились въ квартиру начальн. станціи Виноградова, другая часть солдатъ направилась къ пом. нач. станціи Бунину и въ почтовую контору къ чиновнику Фадѣеву.

Бунинъ, пом. нач. станціи, только что всталъ и оканчивалъ свой утренній туалетъ; онъ незадолго до описываемаго случая возвратился изъ Забайкалья, менѣе мѣсяца, и потому не успѣлъ фактически принимать участія въ начавшемся съ 7-го декабря движеніи; возвратился онъ крайне утомленный, изнервничавшійся, вслѣдствіе усиленной и тяжелой работы во время военныхъ дѣйствій, и потому, желая отдыха, стремясь къ покою, онъ не хотѣлъ и не могъ быть

дѣйствующимъ лицомъ въ дружинѣ или въ желѣзнодорожномъ союзѣ.

Бунинъ быстро одѣлся и подъ конвоемъ солдатъ отправился на станцію. Погодя немного, явился вскорѣ, тоже подъ конвоемъ, нач. станціи Виноградовъ. Имъ приказали слѣдовать дальше къ переѣзду на запасный путь. Они шли въ полной увѣренности, что ихъ сейчасъ посадятъ въ вагонъ и отправятъ въ Москву на допросъ. Когда они дошли до переѣзда, полковникъ Риманъ приказалъ повернуть направо по дорогѣ, ведущей къ лѣсу. Они медленнымъ шагомъ направились туда, впереди шелъ Бунинъ, сзади Виноградовъ. Раздался залпъ безъ команды, и оба они грохнулись въ снѣгъ, за секунду передъ этимъ не ожидая такого конца.

Затѣмъ дали по нимъ нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, но они уже были мертвы.

У Бунина не оказалось никакого оружія; обысковъ въ квартирѣ ни у того, ни у другого не дѣлали.

Въ то время, когда солдаты торопили Виноградова и Бунина одѣваться, другая часть солдатъ подъ командой офицера направилась въ почтовую контору, маленькое отдѣльное зданьице, стоящее неподалеку отъ станціи; тамъ занимался почтовый чиновникъ, Алексѣй Еремѣевичъ Фадѣевъ.

Когда вошелъ офицеръ, онъ, увидавъ Фадѣева, спросилъ:

— Вы Алексѣй Еремѣевъ, служащій въ здѣшней почтовой конторѣ?.— Тотъ нашелся и отвѣтилъ:

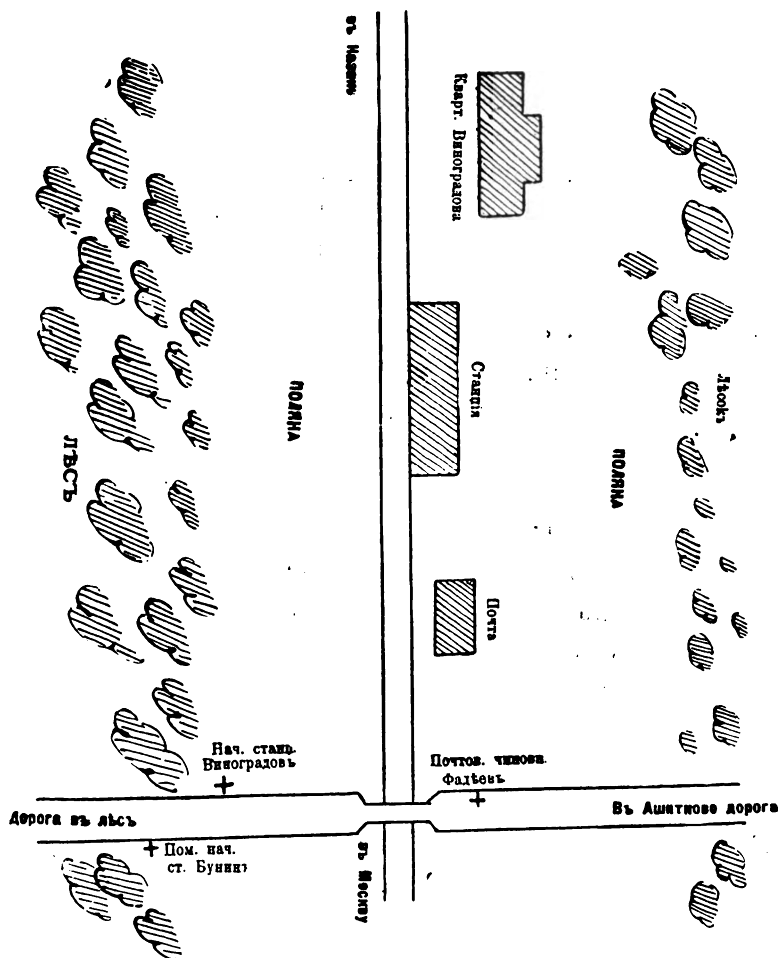
— Нѣтъ, я не Еремѣевъ, а Фадѣевъ!—Онъ ни слова не сказалъ, что офицеръ принялъ отчество Фадѣева за его фамилію. Тогда офицеръ ушелъ, оставивъ Фадѣева въ покоѣ. Ему бы слѣдовало сидѣть въ конторѣ и никуда не выходить, а онъ пошелъ къ переѣзду и повернулъ влѣво отъ переѣзда въ тотъ моментъ, когда Риманъ возвращался къ тому же переѣзду, убивъ Бунина и Виноградова. Кто-то изъ стоящихъ здѣсь сыщиковъ подошелъ къ офицеру и сказалъ ему: «Что же вотъ этого не убили,—указывая на Фадѣева,—это здѣшній ораторъ»! Тогда офицеръ, не справляясь, кто онъ и что онъ, видя только одну спину идущаго и имѣя указаніе какого-то шпіона, что это есть ораторъ, скомандовалъ солдатамъ—выстрѣлить.

Онъ былъ убитъ наповалъ, не пришлось даже тратить лишнихъ зарядовъ на дополнительные выстрѣлы.

Затѣмъ сейчасъ же всѣ солдаты и офицеры уѣхали въ поѣздѣ по направленію къ Москвѣ.

Эта расправа заняла времени у отряда всего только двадцать минутъ.

Послѣ долгихъ упрашиваній и слезъ удалось вдовѣ Виноградовой упросить урядника разрѣшенія похоронить мужа самой. Онъ разрѣшилъ, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіе двухъ часовъ она его похоронила; поэтому не удалось пріѣхать на похороны его отцу, священнику Виноградову, и его матери, чтобы проститься съ сыномъ.

† Планъ станціи Ашиткова съ показаніемъ мѣста, гдѣ были убиты нач. станціи Виноградовъ, пом. нач. станціи Бунинъ и почт. чиновникъ Фадѣевъ.

Чтобы разсѣять въ читателѣ всякое сомнѣніе относительно хотя бы малѣйшей виновности нѣкоторыхъ

лицъ, казненныхъ безъ суда семеновскимъ отрядомъ, приведу мнѣніе мѣстнаго священника въ Голутвинѣ, отца Ивана Виноградова, относительно 2-хъ лицъ, которыхъ онъ хорошо зналъ, а именно о начальникѣ станціи Надежинѣ и его помощникѣ Шелухинѣ.

Отецъ Иванъ состоитъ священникомъ въ этомъ приходѣ 26 лѣтъ; хорошо зналъ обоихъ людей. Шелухина онъ зналъ 3 года, а Надежина очень давно, такъ какъ тотъ прослужилъ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ 36 лѣтъ. За эти долгіе годы совмѣстной жизни въ маленькомъ глухомъ мѣстечкѣ отецъ Виноградовъ могъ хорошо узнать всѣ внутреннія свойства Надежина, его душу, сердце, зная всѣ мельчайшія подробности его жизни со всѣми ея радостями и горестями. Какъ духовнику и близкому человѣку, отцу Ивану приходилось раздѣлять эти радости и тревоги, крестить дѣтей, служить молебны, панихиды. Сынъ священника Виноградова служилъ подъ начальствомъ Надежина на той же самой станціи Голутвино, и тутъ укрѣпилась еще больше связь между священникомъ и Надежинымъ. Они были большіе друзья и хорошо знали и понимали другъ друга.

Когда я велъ бесѣду съ отцомъ Иваномъ и разспрашивалъ его о подробностяхъ убійства полковникомъ Римановъ его сына, Сергѣя Виноградова, на станціи Ашитково, гдѣ онъ служилъ начальникомъ станціи, и убійствъ, произведенныхъ здѣсь въ Голутвинѣ, онъ мнѣ сказалъ:

— Тяжело разсказывать о происшедшемъ, такъ тяжело, что вы не повѣрите. Когда утромъ 19-го декабря прибѣжалъ ко мнѣ надзиратель и сказалъ:

— Батюшка, пожалуйте хоронить.

— «Кого хоронить?» —спросилъ я.— «Убіенныхъ» — отвѣтилъ тотъ и пояснилъ,—убіенныхъ, которыхъ вчера пріѣхавшіе солдаты убили; 26 человѣкъ—начальника станціи, помощника и многихъ другихъ».

— Когда онъ это мнѣ сказалъ, я понялъ тогда, какіе выстрѣлы я слыхалъ наканунѣ, когда въ церкви кончалъ свою вечернюю молитву. Именно въ этотъ моментъ разстрѣляли этихъ невинныхъ, несчастныхъ людей. Тогда мнѣ стало такъ тяжело, такъ страшно передъ Богомъ и людьми, что пролита чистая, невинная кровь.

Я не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ, что я пережилъ въ эту минуту. Скажу вамъ, что когда къ вечеру того же дня я узналъ по телеграфу о таковомъ же разстрѣлѣ моего родного, любимаго сына Сергѣя, въ Ашитковѣ, я не былъ такъ глубоко потрясенъ, я не испыталъ и сотой доли тѣхъ мукъ и страданій, что пережилъ въ то утро, когда узналъ о казни невинныхъ—Надежина и Шелухина.

— Поймите, что сынъ мнѣ родной, самый близкій человѣкъ, любимый мой, но смерть его не тронула меня, потому что я слышалъ, что онъ былъ виновенъ, если считать за вину участіе во всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ. Я пожалѣлъ его, погоревалъ о не-

возвратимой утратѣ, но не былъ такъ убитъ и удрученъ, какъ извѣстіемъ о разстрѣлѣ невинныхъ—Надежина и Шелухина.

Помолчавъ минуту, старикъ-священникъ продолжалъ:

— «Убили безъ суда, безъ слѣдствія, убили невинныхъ людей, какъ разбойниковъ въ 2—3 часа, такихъ людей, за которыхъ я готовъ понести отвѣтъ предъ Богомъ, такъ какъ въ невиновности ихъ я увѣренъ такъ же, какъ и въ самомъ себѣ»!

За что?

Этотъ простой вопросъ и въ то же время роковой, вслѣдствіе своей неразрѣшенности, всюду преслѣдуетъ меня, куда бы я ни пошелъ, съ кѣмъ бы ни встрѣтился, въ моихъ бесѣдахъ о дѣйствіяхъ подъ Москвой усмирительнаго отряда.

«Скажите, Бога ради, за что убили моего мужа?» — встрѣтила меня такими словами Надежина, вдова убитаго начальника станціи въ Голутвинѣ. «Вы собирали свѣдѣнія, разспрашивали многихъ очевидцевъ случившагося, вы навѣрное теперь знаете, за что его убили.—Скажите, не томите меня! Я страшно мучаюсь этимъ вопросомъ! Вѣдь не могли же его убить невинно? Я этому не вѣрю. Значитъ, было за что!! Но за что же? За что?—Не знаю!!» И, глубоко задумавшись, долго она не замѣчала моего присутствія. Я не хотѣлъ прерывать ея мрачныхъ мыслей и выжидалъ, когда она сама заговоритъ со мной.

Посѣщеніе этой несчастной семьи оставило во мнѣ глубокій слѣдъ; какъ живую, представляю себѣ сей-

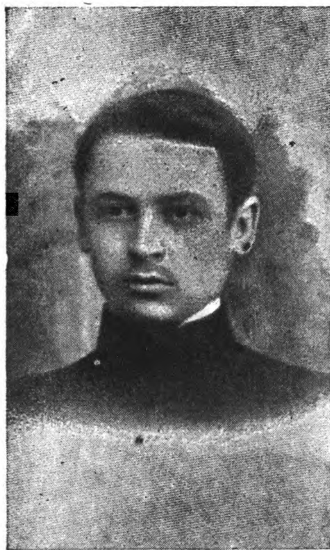
часъ эту блѣдную, худощавую женщину съ просѣдью въ густыхъ, темныхъ волосахъ. На изстрадавшемся лицѣ чувствуется глубокій отпечатокъ ея тяжелыхъ думъ; грустные, добрые глаза съ такой печалью, съ выраженіемъ такого безысходнаго горя обращались ко мнѣ съ вопросомъ:

† Шелагановъ, рабочій Коломенскаго завода. Убитъ въ Голутвинѣ.

— «Скажите, за что его убили?!»—что мнѣ казались весь ужасъ ея положенія, всѣ тяжкія страданія, переживаемыя ею, потому такъ мучительны, такъ невыносимы для нея, что не находитъ она отвѣта на свой роковой вопросъ.

Ее не то убиваетъ, что она лишилась своего любимаго супруга, съ которымъ прожила всю свою жизнь, не то гнететъ ее, что она лишилась кормильца семьи въ шесть душъ дѣтей и теперь будетъ съ ребятами влачить голодную жизнь. Нѣтъ, ее мучаетъ страшная неизвѣстность о преступности мужа. Если

† Розановъ, служ. въ конторѣ. Убитъ въ Голутвинѣ.

бы онъ былъ доказанный преступникъ, ея горе было бы другое, оно вылилось бы въ другую опредѣленную, ясную форму; она страдала бы, но не такъ; она знала бы тогда, что онъ понесъ законную кару: «зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ». Но здѣсь ее мучаетъ

предположеніе, что онъ преступникъ, тайный, страшный преступникъ, котораго казнили въ 2 — 3 часа, какъ разбойника, среди дороги, безъ исповѣди, безъ послѣдняго слова передъ смертью, обращеннаго къ дѣтямъ, къ семьѣ, къ обществу. А что преступленіе должно быть налицо, тому служитъ поручительствомъ

† Плотниковъ, чертежникъ Коломенскаго завода. Убитъ въ Голутвинѣ.

ея глубокая вѣра въ то, что «невиннаго» правительство не могло убить; это противно ея пониманію; понятіе «разстрѣляніе безъ вины и суда» не укладывается въ ея внутреннемъ существѣ, во всемъ томъ, что составляло до сихъ поръ ея жизнь, смыслъ внутренней жизни, душу и сердце.

— «Нѣтъ, невиннаго не могли убить, — за нимъ есть вина и вина страшная!..»

И вотъ опять во всей грозной силѣ встаетъ передъ нею тотъ же вопросъ:

— «За что?»...

«Онъ былъ на митингѣ въ театрѣ одинъ разъ и говорилъ слово, обращенное къ рабочимъ, въ которомъ указывалъ, что, благодаря желѣзнодорожной забастовкѣ, развился грабежъ, что рабочіе безобразничаютъ, расхищаютъ на вокзалѣ чужое имущество, что такъ нельзя поступать, что это противно пониманію порядочности, честности. Быть можетъ, за это его убили?»... Она замолчала и углубилась въ свои думы, правой рукой нервно потирая лобъ, стараясь разрѣшить мучительный вопросъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть! За это не могли его убить. Онъ защищалъ правительство; онъ потому пошелъ на митингъ, чтобы своимъ словомъ повліять на рабочихъ въ хорошую сторону и удержать ихъ отъ грабежа, подобнаго тому, что былъ въ Перовѣ. Нѣтъ! Не за это его убили!»...

— «Такъ за что же, за что?!»—воскликнула она съ новыми муками въ голосѣ и, вновь не находя отвѣта, углубилась въ свои мысли.

«Быть можетъ, за то, что у него въ карманѣ были служебныя депеши за подписью стачечнаго комитета? —спросила она меня.—Но вѣдь, знаете ли; онъ не могъ ихъ не получать, потому что каждый день приходили и отходили воинскіе поѣзда съ Дальняго Востока, ко-

торые требовали немедленной отправки, въ противномъ случаѣ грозили разнести всю станцію. Тогда волей-неволей приходилось открывать имъ станцію и запрашивать путь на сосѣднюю. Нѣтъ, это онъ долженъ былъ дѣлать, да кромѣ того онъ сейчасъ же телеграфировалъ о происходящемъ въ Москву, своему началь-

В. И. Лаваковъ, служащій въ заводской конторѣ. † Убитъ въ Голутвинѣ.

ству, но никакого отвѣта не получалъ. Нѣтъ, нѣтъ! За это не могли его убить! Здѣсь нѣтъ ничего преступнаго!»

«Такъ за что же? Я не знаю... Скажите вы, быть можетъ вы что-нибудь знаете, слышали, скажите!.. Я готова услышать всю правду, какова бы она ни оказалась!»

«За что?»...

Но вопросъ ея остался безъ отвѣта. Я не находилъ словъ, чтобы сказать ей что-нибудь въ утѣшеніе, чтобы облегчить ея страданіе, чтобы дать отгадку на ея неразрѣшимый вопросъ. Я не могъ сказать ей:

— «Вашъ мужъ убитъ невинно! Слышите, г-жа Надежина, я выяснилъ черезъ членовъ стачечнаго комитета, что вашъ мужъ убитъ невинно, какъ и многіе другіе, я въ этомъ ручаюсь вамъ своею честью, чѣмъ хотите,—вашъ мужъ ни въ чемъ неповиненъ!»

Я не сказалъ ей этого, потому что она не поняла бы моихъ словъ, какъ не могла бы понять санскритскаго языка.

Никакіе доводы, никакія доказательства, убѣжденія не могли бы поколебать ея глубокой вѣры въ то, что правительство не могло разстрѣлять невиннаго человѣка.

Въ ея воображеніи рисуется, что офицеры судебнымъ порядкомъ разбирали преступность каждаго и послѣ ясныхъ неоспоримыхъ доказательствъ приговаривали виновныхъ къ разстрѣлу. Такимъ оказался ея мужъ. Только вина его осталась тайной для несчастной женщины. Чтобы переубѣдить ее, ей слѣдовало видѣть судъ, происходившій въ Перовѣ. Тамъ каждый лично, своими глазами убѣждался, что убивали людей безъ суда, безъ вины, иногда просто въ силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздраженію. Убивали на глазахъ у всѣхъ—открыто.

И убили въ оставшихся въ живыхъ ихъ вѣру и человѣческій законъ, въ поддерживавшую его государственную власть, вѣру въ правду на землѣ, ту вѣру, съ которой дожили они до глубокой старости, которую унаслѣдовали отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ. Тамъ, въ Перовѣ, рѣдко приходилось слышать этотъ роковой вопросъ—«За что?»

† К. Бобылковъ, рабочій Коломенскаго завода. Убитъ въ Голутвинѣ.

Наоборотъ, когда я спрашивалъ крестьянъ, «за что» убили сына или мужа, получался рѣзкій, категорическій отвѣтъ.

Тамъ, въ Перовѣ, не осталось сомнѣній, за что казнили столькихъ людей.

Многіе даже спѣшили забѣжать впередъ и вывести меня изъ возможности впасть въ ошибку и разъясняли мнѣ:

— Не думайте, что такого-то убили за то, что онъ занимался расхищеніемъ товара изъ вагоновъ и что у него въ домѣ было награбленное имущество. Вовсе нѣтъ.

Когда, однажды, пришелъ полковникъ дѣлать обыскъ, то хозяинъ квартиры спросилъ его:

— Вы, ваше высокородіе, чего собственно ищете? Заранѣе скажу вамъ, что награбленнаго имущества въ домѣ много!

— Намъ этого не нужно, оставляйте у себя. Мы ищемъ оружія!

И дѣйствительно, никакого товара не тронули; много банокъ стояло съ водкой, много другого товара было,—все оставили на своихъ мѣстахъ, ничего не тронули, а такъ какъ никакого оружія не было, то и ушли.

Но бѣдная вдова Надежина не въ состояніи понять того, что такъ ясно поняли перовцы, и въ продолженіе двухъ часовъ моей бесѣды съ ней слово «за что» не сходило съ ея устъ.

Много припоминала она «преступностей» своего мужа, но каждый разъ, задумавшись послѣ минутнаго молчанія, какъ судья, углубившійся въ свою совѣсть передъ тѣмъ, какъ вынести оправдательный вердиктъ, она съ оживленіемъ говорила: «нѣтъ, нѣтъ! не за это... Навѣрно, есть другая вина. За это нельзя казнить человѣка!»

Не забыла она привести даже такой случай изъ его преступной дѣятельности. Когда онъ однажды обратился къ женѣ съ просьбой отдать старое пальтишко сына мальчику одного рабочаго, который долгое время находился безъ работы и чрезвычайно нуждался въ помощи—«я отдала пальто, потому что самой было очень жаль мальчишку—такой онъ бѣдный выглядѣлъ; а у сына-то было хорошее, новое пальто. Ну я и отдала!..—Нѣтъ, за это не могли его убить. Что же изъ того, что это былъ сынъ рабочаго, и онъ пожалѣлъ бѣднаго мальчугана? За это не убиваютъ!.. Такъ за что же? Какъ это ужасно, я не знаю, за что! Все, что только я припомнила, все, что только я знала, все, что могло быть поставлено ему въ вину—я вамъ разсказала. Вѣдь, правда, за это не могли его приговорить къ смертной казни?»

Я съ ней согласился и хотѣлъ было уходить, но она остановила меня и сказала: «Я хочу спросить вашего мнѣнія; вотъ я написала письмо одному изъ начальниковъ и спрашиваю его, «за что» убили моего мужа; я вамъ прочту, и вы посовѣтуйте, послать ли его?»—Я выслушалъ это письмо.

Именемъ своихъ дѣтей она умоляла его сказать всю правду, сказать «за что» убили ея мужа. Она просила его потому, что когда дѣти подростутъ, то чтобы надъ ними не тяготѣла тайна страшнаго преступленія отца, за которое онъ былъ казненъ. Лучше выслушать горькую истину, нежели томиться въ по-

стоянной неизвѣстности ужасной страшной тайны преступленія. Кончивъ чтеніе, она спросила: «Ну, какъ, совѣтуете послать это письмо? Получу я отвѣтъ на свой вопросъ?»

Что долженъ былъ сказать я измученной женщинѣ? Получитъ ли она отвѣтъ на свой вопросъ: «за что»?.. Пусть пошлетъ она письмо полковнику Риману, и своей искренностью, тѣмъ безысходнымъ горемъ и страданіемъ, которыя чувствуются въ каждомъ словѣ, въ каждой строкѣ, написанной подъ вліяніемъ глубокой вѣры въ правду,—это письмо тронетъ сердце убившаго и онъ отвѣтитъ ей также искренно, что убилъ ея мужа «невинно».

До сихъ поръ я излагалъ факты, свидѣтельскія показанія лицъ, наблюдавшихъ дѣйствія карательнаго отряда, излагалъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ они развивались,—однимъ словомъ выполнилъ роль слѣдователя, но не говорилъ того, что я самъ видѣлъ, самъ перечувствовалъ и перестрадалъ, слушая эти простые, но въ то же время леденящіе кровь въ жилахъ пересказы вдовъ и матерей.

Я видѣлъ ихъ слезы, слышалъ ихъ рыданія. Я былъ въ самомъ очагѣ безысходнаго горя и страданія, видѣлъ ихъ тяжелую нужду, въ которую они впали, потерявъ своихъ кормильцевъ. Никакія описанія, никакіе точные пересказы не дадутъ читателю понятія о томъ, что должны были перечувствовать эти несчастные люди и въ какомъ безвыходномъ положеніи они теперь находятся.

Всего убито 150 человѣкъ, слѣдовательно 150 семей остались въ горѣ, нуждѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, потерявъ наиболѣе способныхъ къ труду, наиболѣе активныхъ людей въ своей семьѣ.

Нужда постигла ихъ острая, во всей своей неумолимой силѣ. Онѣ не только лишились сразу средствъ къ существованію, но ихъ выгоняли изъ казенныхъ квартиръ, гдѣ онѣ раньше жили; нѣкоторыя уже перебрались изъ большихъ домовъ, занимаемыхъ ранѣе, въ подвальные этажи. Я видѣлъ г-жу Дорфъ въ новой обстановкѣ—въ подвалѣ, въ одной маленькой комнатушкѣ, съ 2-мя ребятами, изъ коихъ старшій—гимназистъ перваго класса. Раньше жила она въ отдѣльномъ особнякѣ въ 6 комнатъ.

У г-жи Надежиной 6 человѣкъ ребятъ и никакихъ средствъ къ дальнѣйшей жизни.

Семья Молостовыхъ лишилась двухъ кормильцевъ—старшихъ сыновей, которые содержали всю семью—престарѣлыхъ отца и мать и двоихъ маленькихъ братьевъ.

Семья рабочаго Зайцева изъ 6-ти человѣкъ ребятъ малъ-мала меньше находится въ нищетѣ и голодаетъ.

Семью Орловскихъ уже выселили изъ казенной квартиры съ 3-мя ребятами въ то время, когда вдова ожидаетъ скораго появленія четвертаго младенца.

150 семей разорены и выброшены на улицу. У нихъ отнято все: близкій любимый человѣкъ, кормилецъ семьи, дававшій средства, благополучіе, представлявшій изъ себя опору въ трудныя минуты жизни.

И все это люди, въ продолженіе многихъ лѣтъ, десятки лѣтъ отдававшіе свой трудъ, силы и здоровье для Московско-Казанской жел. дор., которая отказалась въ обостренную минуту нужды и горя не только выдать какое-нибудь маленькое пособіе, хотя бы на время, или возмѣстить расходы на похороны, но отказалась выдать сбереженія, полученныя отъ долгаго труда, изъ пенсіонной кассы.

Я читалъ официальную бумагу управленія Московско-Казанской жел. дор., въ которой старику Молостову отказано выдать 45 руб. изъ пенсіонной кассы, оставшихся послѣ убитыхъ двухъ сыновей, накопленныхъ ихъ долгимъ трудомъ.

Послѣ убитаго Ларіонова осталось 1,000 рублей, выдача которыхъ была отказана Казанской дорогой единственнымъ наслѣдникамъ, его престарѣлымъ родителямъ и сестрамъ, которые жили его заработкомъ.

На какомъ основаніи это дѣлается, по какому праву отказываются выдать скопленныя долгимъ трудомъ деньги — не знаю.

Замѣчу, что всѣ эти семьи въ силу перечисленныхъ обстоятельствъ находятся теперь въ крайней, безвыходной нуждѣ.

Необходима помощь всего общества, которое должно откликнуться и своей отзывчивостью — посильной лептой облегчить тяжелую участь 150 семействъ.

Послѣ напечатанной статьи «Перово» ко мнѣ на квартиру пришелъ старикъ-отецъ убитыхъ сыновей и разсказалъ мнѣ, что къ нему въ Перово пришелъ неизвѣстный господинъ и принесъ ему 10 рублей.

† Машинистъ Ухтомскій, убитъ въ Люберцахъ.

Не зная этого добраго человѣка и растерявшись въ первую минуту передъ его щедрымъ пожертвованіемъ, старикъ не успѣлъ его поблагодарить, тѣмъ

болѣе, что тотъ сейчасъ же скрылся; поэтому онъ пришелъ ко мнѣ въ Москву и убѣдительно просилъ меня, чтобъ на страницахъ той же газеты поблагодарить отъ имени старика и его семьи того добраго человѣка, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ.

Быть можетъ, еще найдется много, много добрыхъ, чуткихъ людей, которые посильной лептой облегчатъ страданія и острую нужду несчастныхъ.

Списокъ фамилій убитыхъ.

(Полнаго списка достать пока нельзя).

Желѣзнодорожники:

1) Надежинъ, начальникъ станціи.
2) Шелухинъ, помощникъ.
3) Харламовъ, машинистъ.
4) Якубовскій, конторщикъ.
5) Костогоровъ, изъ депо.

Заводскіе:

6) Плотниковъ, чертежникъ.
7) Абрамовъ, тоже.
8) Ивановъ, конторщикъ.
9) Фокинъ, тоже.
10) Розановъ, тоже.
11) Зайцевъ, рабочій.
12) Мельниковъ, тоже.
13) Старостинъ, тоже.

14) Пушковъ, тоже.

15) Стопычкинъ, тоже.

16) Бобылковъ, тоже.

17) Криворотовъ, тоже.

18) Тарарыкинъ, пом. прис. повѣрен.

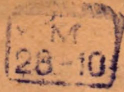
19) Сапожковъ, студентъ.

20) Дорфъ, завѣд. театромъ.

21) Запасный унт.-офицеръ.

M
28-10